

e-ISSN: 2658-5650

Министерство науки и высшего
образования
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 4(11)
2022**

МОСКВА
2022

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакция:

Главный редактор:

В.А. Пищальникова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – доктор филологических наук (Омск, Россия);

Н.Н. Германова – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Е.Н. Гуц – доктор филологических наук (Омск, Россия);

А.В. Кинцель – кандидат филологических наук (Барнаул, Россия);

А.В. Кирилина – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Дж. Кич-Дргас (Познань, Польша);

Е.Ф. Косиченко – доктор филологических наук (Москва, Россия);

В.В. Красных – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Н.Ф. Крюкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

Е.В. Лукашевич – доктор филологических наук (Барнаул, Россия);

А.Б. Михалёв – доктор филологических наук (Пятигорск, Россия);

Е.Ю. Мягкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

В.А. Попова – доктор филологии (Шумен, Болгария);

Д.Д. Попов – доктор филологии (Шумен, Болгария);

А.Г. Сонин – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Д.Д. Трегубова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);

Н.Н. Трошина – кандидат филологических наук (Москва, Россия);

С.А. Чугунова – доктор филологических наук (Брянск, Россия);

Э.Б. Яковлева – доктор филологических наук (Москва, Россия);

К. Янь – кандидат филологических наук (Гуанчжоу, Китай).

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

DOI: 10.31249/epl/2022.04.00

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

e-ISSN: 2658-5650

Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Russian Academy
of Sciences

Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 4(11)
2022**

MOSCOW
2022

Founder:
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials:

Editor-in-chief:

Vera Pishchalnikova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Nataliya Germanova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Elena Guts – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Alyona Kintsel – PhD in Philology (Barnaul, Russia);

Alla Kirilina – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Joanna Kic-Drgas (Poznan, Poland);

Elena Kosichenko – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Viktoriya Krasnykh – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Natalia Kryukova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Elena Lukashevich – Doctor of Science in Philology (Barnaul, Russia);

Andrey Mikhalev – Doctor of Science in Philology (Pyatigorsk, Russia);

Elena Myagkova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Velka Popova – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Dimitar Popov – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Alexandr Sonin – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Dinara Tregubova – PhD in History (Moscow, Russia);

Natalia Troshina – PhD in Philology (Moscow, Russia);

Svetlana Chugunova – Doctor of Science in Philology (Bryansk, Russia);

Emma Yakovleva – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Kai Yan – PhD in Philology (Guangzhou, China).

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

DOI: 10.31249/epl/2022.04.00

© FSBIS «Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences», 2022

Содержание

<i>Панарина Н.С., Пищальникова В.А., Радченко О.А.</i> Этнопсихолингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики	7
<i>Цун Фэнлин, Дубкова О.В.</i> Лингвистический анализ ценности «祖国/ родина» в сознании китайцев	28
<i>Лось А.Л.</i> Репрезентация звуковых ощущений «треск» и «хруст» по данным семантического и ассоциативного экспериментов	43
<i>Нгуен Тхи Минь Нгуэт.</i> Концепт ЛИЦО во вьетнамской культуре	53
<i>Кружилина Т.В.</i> Метаязыковая способность: прививка от функциональной неграмотности	63
<i>Попова М.В., Филимонова А.А.</i> Иноязычный акцент как фактор выражения национальной идентичности иммигрантов в принимающем сообществе	80

Contents

<i>Panarina N.S., Pishchalnikova V.A., Radchenko O.A.</i> Ethnopsycholinguistics as a theoretical and methodological basis for Migration Linguistics	7
<i>Cong F., Dubkova O.V.</i> Linguistic analysis of the value «祖国 / homeland» in the consciousness of the Chinese people	28
<i>Los' A.L.</i> Representation of auditory sensations of <i>tresk</i> and <i>khrust</i> based on semantic and associative experiments	43
<i>Nguyen T.M.N.</i> The concept of face in Vietnamese culture	53
<i>Kruzhilina T.V.</i> Metalanguage ability: vaccination against functional illiteracy	63
<i>Popova M.V., Filimonova A.A.</i> Foreign accent as a factor of expressing immigrants' nationality identity in the host community	80

Панарина Н.С., Пищальникова В.А., Радченко О.А.

**Этнопсихолингвистика
как теоретико-методологическая база
миграционной лингвистики***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, panarinans@gmail.com,
pishchalnikova@mail.ru, radoleg@gmail.com*

Аннотация. Авторы аргументируют возможность создания теоретико-методологической базы миграционной лингвистики на основе фундаментальных положений современной отечественной этнопсихолингвистики. Это позволит рассматривать национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности в процессе миграции как фактор, существенно и специфически влияющий на функционирование языков, и особенности речесмыслопорождения на двух языках в процессе аккультурации мигрантов. Авторы акцентируют роль языка как доминирующего средства аккультурации, изменения этнической идентичности, самосознания индивида и нации.

Ключевые слова: миграционная лингвистика; этнопсихолингвистика; культурный трансфер; конфликтогенность; речесмыслопорождение; аккультурация; интеграция познавательных моделей.

Поступила: 26.06.2022

Принята к печати: 16.08.2022

Panarina N.S., Pishchalnikova V.A., Radchenko O.A.
Ethnopsycholinguistics
as a theoretical and methodological basis
for Migration Linguistics*

*Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow,
panarinans@gmail.com, pishchalnikova@mail.ru, radoleg@gmail.com*

Abstract. The authors argue for the possibility of shaping a theoretical and methodological base of migration linguistics based on the fundamental provisions of modern Russian ethnopsycholinguistics. This will allow us to consider the national-cultural variation of the cognitive and communicative aspects of speech activity in the migration process as a factor that significantly and specifically affects the functioning of languages, and the features of speech-meaning generation in two languages in the process of acculturation of migrants. The authors emphasize the role of language as the dominant means of acculturation, change of ethnic identity, self-consciousness of an individual and nation as a whole.

Keywords: migration linguistics; ethnopsycholinguistics; cultural transfer; conflictogenicity; speech generation; acculturation; integration of cognitive models.

Received: 26.06.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

Развитие науки на любом этапе определяется как внутренней логикой реализации ее фундаментально-прикладного потенциала, так и актуальными запросами общества. Сегодня при осмыслении общественной, в том числе речевой, практики ученые стремятся разрабатывать, с одной стороны, параметры узкоспециальных научных объектов, все точнее дифференцируя феномены окружающего мира и описывая их своеобразие, с другой – формулировать междисциплинарные объекты в случаях, когда актуализируются такие их существенные свойства, которые не могут изучаться средствами

* © Panarina N.S., Pishchalnikova V.A., Radchenko O.A., 2022

отдельных наук и требуют создания специфической теории и концептуального аппарата. Как правило, в ответ на формирование значимой для развития общества социальной тенденции в разных гуманитарных науках начинают складываться специальные направления для ее изучения.

В начале XXI в. одной из таких тенденций стало значительное усиление миграционных процессов населения. Цель настоящей статьи – наметить пути формирования теоретико-методологической основы формирующейся миграционной лингвистики.

Согласно лексикографическим данным, лексема *миграция* в широком смысле используется для обозначения процессов разного порядка – этнографического, биологического, экономического: «1. Перемещение населения в пределах одной страны или из одной страны в другую... 2. Передвижение животных организмов в связи с изменениями условий жизни или с прохождением цикла развития... 3. Перемещение, перераспределение чего-л. ... (вывоз капитала с целью извлечения прибыли или в политических целях)» [Кузнецов 2000, с. 540]. Процесс миграции предполагает *целевое* изменение пространственного расположения собственно действующего существа или объекта, на который воздействует субъект, и, следовательно, изменение соотношения пространственного расположения разноприродных реалий.

Подчеркнем важность *цели* как параметра миграции, который позволяет объяснить (1) наличие миграционных процессов базовыми потребностями живых существ, (2) мотивами деятельности человека, порождаемыми взаимодействием средовых факторов с потребностями человека. В связи с этим миграционные процессы населения предлагается рассматривать как специфическую активность организма, направленную на поиск территории проживания в комфортных для индивида средах. В связи с этим психологи отмечают, что процесс адаптации на новой территории всегда предполагает активное приспособление, и потому типологию адаптационных процессов эффективно проводить не по критерию «активный – пассивный», а по *направленности* вектора активности на преобладание активного изменения среды или активного самоизменения [Реан, 1999].

Лингвисты обратились к миграционной проблематике в попытке осмыслить увеличение миграционных потоков как фактор, влияющий на функционирование языков. Такая постановка проблемы вполне соответствует стремлению ученых исследовать не собственно язык в его статичном состоянии, а условия, при попа-

дании в которые параметры языка меняются тем или иным существенным и значимым для процесса коммуникации образом.

По нашему мнению, выделение *миграционной лингвистики* в особое лингвистическое направление со специфической исследовательской областью требует (1) формулирования специфического объекта исследования и установления специфической теоретико-методологической базы, (2) объекта, адекватного новым социальным и собственно лингвистическим задачам, которые невозможно решить в социолингвистике, этнолингвистике и ареальной лингвистике, юрислингвистике и др. языковедческих направлениях без создания нового объекта изучения, (3) обоснования социально значимых прикладных задач и результативных способов их решения.

* * *

Однако *специфический объект* миграционной лингвистики четкого определения пока не получил, единообразная терминологическая система не сформирована. Так, С.В. Шустова, Е.О. Зубарева и Н.В. Хорошева обозначают его как «не только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов» [Шустова, Зубарева, Костева, 2020, с. 7–8].

Полагаем, что выделенные объекты и аспекты исследования не требуют становления особой лингвистической области. Так, модели динамических языковых процессов как таковые уже изучаются в рамках разных парадигм, при этом особенно эффективно в психолингвистике; модели миграционного дискурса, исследуемые на базе уже существующих представлений о нем, просто не могут дать нового знания о языковой специфике, сопровождающей миграционные процессы, а лишь расширяют типологию дискурсов; выделенные же аспекты исследования («мотивация, обстоятельства, факторы протекания...»), безусловно, важны, но неспецифичны, поскольку изучаются в психологии и психолингвистике, социологии и социолингвистике, социологии и экономике и др. науках. Соглашаясь с важностью изучения языка как средства адаптации, нельзя не заметить, что этот вопрос активно исследуется в теории межкультурной коммуникации и этнопсихолингвистике. В работах Е. Гугенбергер, исследующей языковые контакты, многоязычие, языковые вариации, межкультурность и

транскulturность, ставится задача конструирования языков и определения социально одобряемых моделей речевого поведения [Gugenberger, 2013] на материале изучения «коммуникативных пространств» галисийской миграции в Аргентину, что тоже не является специфичным и не требует разработки новой теории и концептуального аппарата.

В этом же русле осуществляются исследования ученых Общества прикладной лингвистики Байройтского университета (Германия). В рамках работы секции «Миграционная лингвистика» исследователи активно используют данные смежных наук при характеристике особенностей усвоения языка в многоязычном обществе и полилингвизма, акцентируют социальные и институциональные аспекты процессов миграции, вопросы языковой политики в целом.

Институт немецкого языка им. Г.В. Лейбница в Мангейме (Германия) выполняет несколько исследовательских проектов, разрабатывающих вопросы взаимозависимости процессов миграции, многоязычия и вариативности немецкого языка, детерминированной миграционными процессами. Так, Н. Беренд возглавляет проект, исследующий особенности вариативного использования немецкого языка иммигрантами, взрослыми и подростками, с русскоязычным миграционным происхождением на базе данных национальных корпусов 1992–1994 гг. В рамках проекта собраны аудиозаписи, позволяющие установить аккомодацию к эндогенным субстандартным разновидностям немецкого языка в западно-центральной германско-рейнфранкском языковом географическом пространстве (региональные разновидности), а также компоненты субстрата в результате немецко-русского языкового контакта. Исполнители проекта решают следующие задачи: 1) устанавливают закономерности изменения немецкого языка под влиянием речи мигрантов; 2) уточняют статус языка мигрантов (диалектный, региональный); 3) обосновывают возможность выделения этнолекта немецких мигрантов; 4) устанавливают условия возникновения и развития этнолекта; 5) описывают вариативность этнолекта в регионах и в разных группах мигрантов. Группы лингвистов, осуществляющие научные проекты, сотрудничают в обработке и анализе языковых данных корпусными методами.

Особое место в немецкой миграционной лингвистике занимают работы Р. Шёнтага и Шт. Массикот (проект DML / Diachrone Migrationslinguistik), рассматривающие миграцию и сопутствующие ей культурные и языковые контакты как один из конститу-

тивных элементов немецкого общества. Миграционные процессы исследуются диахронически как краткосрочные или долгосрочные комбинации различных типов многоязычия, характерные не только для индивидуального многоязычия в двуязычных контактных ситуациях, но и для больших сообществ говорящих или языкового сообщества в целом [Schöntag, 2008; Schöntag, 2010; Massicot, 2015; Schöntag, Massicot, 2019] и др.

Поднимаются и вопросы специфики миграционных процессов в ходе культурного трансфера в Европе с позиций различных национальных филологических школ, исследующих теоретические и описательные подходы к языковым контактам, изменению языка, языковой интеграции и деградации в результате миграции [Sprachen in mobilisierten Kulturen ..., 2011] на материале языковых контактов и динамики языков в Европе, Северной Америке, Азии и Латинской Америке.

Более специфичен подход, представленный в зарубежной (немецкой) миграционной лингвистике Т. Крефельдом, который предлагает исследовать историю коммуникативного пространства на базе разного рода языковых контактов, исследования динамики языка и смены языков как социальных кодов в процессе аккультурации, изоляции языков и подобное [Krefeld, 2004]. Такой подход, скорее, связан с теорией коммуникации и вполне встраивается в ее парадигму.

Много внимания уделяется внедрению идей миграционной лингвистики в процесс вузовского образования.

Так, в Университете им. Альберта Людвига г. Фрайбурга (Германия) предложен курс «Основы миграционной лингвистики (с фокусом на французском языке)». В курсе акцентируется, что миграции и возникающие в результате их языковые контакты являются центральной проблемой истории языков. Конфигурация языковых ландшафтов в современной Румынии в значительной степени обусловлена такими миграционными процессами. В отличие от обычного рассмотрения конкретных лингвистических последствий миграционных движений в этом курсе представлено теоретическое осмысление основных концепций и лингвистических методов, которые используются в миграционной лингвистике, показаны области их применения (например, исследование языковых «островов» и многоязычия в городском пространстве). Акцентируется, что в миграционной лингвистике важны не только описательные лингвистические, но и социолингвистические исследования.

В Бамбергском университете им. Отто Фридриха (Германия) Н. Хакимов читает курс «Миграционная лингвистика» («Migrations-linguistik»), рассматривая влияние миграции на изменение языка в качестве объекта миграционной лингвистики. Он также полагает, что история человечества – это история миграции, которая способствует социальной диверсификации и языковой вариативности, становясь важным фактором изменения культуры и языка. Миграционная лингвистика изучает использование языка мигрантами и его динамику, языковые ландшафты и коммодификацию миграционных языков, соотношение диалектов и миграционных вариантов, «койнеизацию» диалектов, способы вербального общения мигрантов, полиязычные личности и языки диаспор, эмпирические методы анализа языковых и культурных явлений и коммуникативных практик в контексте миграции.

Пока миграционная лингвистика существует как прикладная область лингвистических исследований, ставящая перед собой задачу объяснить не столько специфику и роль языковых процессов в миграции, сколько изучить возможные тенденции аккультурации на языковом материале и рекомендовать наименее травматичные из них при вхождении мигрантов в разные сферы принимающей культуры. Это подтверждается, например, исследованиями Т. Штеля, который на основе языковых контактов мигрантов рассматривает многоязычие и условия его развития как интеграцию имеющихся у индивида дискурсивных практик в связи с необходимостью эффективной коммуникации в разных социальных сферах [Sprachen in mobilisierten Kulturen ..., 2011].

Отечественная миграционная лингвистика, решая новые практические задачи, использует активно эксплуатируемое в языковедении представление о дискурсе и выделяет *миграционный дискурс* как широкое понятие, включающее, например, «социальный перевод, способствующий адаптации мигрантов к реалиям титульной нации» [Миграционная лингвистика ..., 2020, с. 4] и ослаблению конфликтности миграционного дискурса. Однако пока собственно специфические черты такого дискурса не определены, к тому же для обработки языковых данных чаще используется совокупность не всегда соотносенных между собой в рамках нового направления (методологически не приспособленных к новому объекту) интерпретативных инструментов: *концепт*, *семантический модуль*, *психолингвистическое значение* и др., которые «работают» в пределах определенных моделей. Но это вполне объяснимо в связи с тем, что особый объект направления, как

уже отмечалось, не определен, а потому не обнаруживается также и последовательного разграничения миграционной лингвистики и уже сложившихся смежных лингвистических дисциплин, специфических методов исследования.

Однако любая попытка систематизации знаний в той или иной «становящейся» области для развития науки, безусловно, значима, а возникающие в процессе такой систематизации вопросы заслуживают широкого профессионального обсуждения, иницирующего исследовательскую рефлексию.

В 2019 г. коллектив исследователей во главе с С.В. Шустовой организует научный журнал «Миграционная лингвистика», призванный освещать «актуальные вопросы современности, связанные с миграцией и ее отражением в лингвистических исследованиях» [Миграционная лингвистика, 2019]. Кратко характеризуя общую направленность публикуемых работ, заметим, что в журнале регулярно анализируются социально-психологические механизмы, а также речевая составляющая построения миграционных отношений в сфере образования [Шустова, Костева, Хорошева, 2019; Ламот, Черноусова, 2019; Салынская, Ясницкая, 2020] и др. Также систематически освещается специфика вербальной репрезентации миграционных отношений в СМИ, выступающих важными агентами социализации [Шустова, 2020; Сюткина, Черноусова, 2020; Новиков, Шустова, 2021]. Отмечено, что широко представленный в медиапространстве политический контекст решения миграционных вопросов влияет на постановку исследовательских проблем лингвистами, изучающими миграцию [Путина, 2019], хотя прямолинейный перенос политических реалий в сферу лингвистических исследований миграции едва ли эффективен.

Одна из сильных сторон публикуемых в журнале исследований – широкий охват языкового материала, использование корпусных данных [Зубарева, Шустова, 2019] и стремление выстраивать междисциплинарный подход в исследовании. Особенно важны прикладные исследования, затрагивающие решение аккультурационных задач людей, вступающих в миграционные отношения [Мошанская, Дружинина, 2019]. Но пока общее методологическое основание, которое могло бы служить отправной точкой специализации и объединения многообразных лингвистических работ по миграции не просматривается. Вместе с тем усиление миграционных процессов вынуждает специалистов прибегать к использованию разного лингвистического инструментария с целью решения практических задач.

С какими трудностями лингвистического порядка сталкивается в своей деятельности специалист по миграционным процессам?

Миграционные процессы, как и процессы языкового строительства, составляют особый предмет государственного управления. Точнее, вопросы функционирования языка приобретают как будто больший вес, когда в системе конкретных мер по управлению миграцией государство акцентирует обеспечение межнационального согласия, поддержку этнического и языкового многообразия, недопущение дискриминации по той или иной принадлежности, предупреждение конфликтов и прочее [Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года]. В связи с этим очевидный приоритет получает не поиск новых закономерностей функционирования языка, а обоснование того, как уже известные лингвистам законы могут послужить укреплению общегражданской идентичности, единству многонационального народа, а также успешной социокультурной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество [там же]. Таким образом формируется область вопросов, общая для языковой и миграционной политики.

Язык выступает собственно предметом управления, например при обосновании того, в какой степени идентичность индивида, его ежедневная практика должны опираться на язык. Такие обоснования в дальнейшем становятся принципами регулирования решений в сфере образования.

Кроме того язык выступает средством анализа и управления миграцией, в случае, например, когда по данным опросов выявляется закономерное изменение отношения разных слоев населения к мигрантам. Тогда лингвист оказывается перед необходимостью обосновать значимость языкового фактора в межнациональных отношениях, представить и обосновать пути реализации языкового потенциала в процессах адаптации и интеграции мигрантов, а также в сопровождении населения принимающей страны.

Целый ряд специфических задач ставит перед лингвистом регулирование трудовой миграции. Согласно Профессиональному стандарту «Специалист по трудовой миграции», трудовыми функциями последнего являются [Профстандарт ...]:

- анализ возможностей и потребностей участников трудовой миграции;
- планирование мероприятий по вопросам трудовой миграции;
- формирование ресурсов, необходимых участникам трудовой миграции;

- организационная поддержка трудовой миграции;
- консультирование работодателей по процессам привлечения трудовых ресурсов в рамках трудовой миграции, сопровождение участников миграционных отношений в получении разрешительных документов, сопровождение и организация прохождения тестирования, оценки, признания и развития профессиональной квалификации трудовых мигрантов.

При этом область языковой подготовки мигрантов – разработка специальных программ, обоснование требований по языковой подготовке при организационном наборе по тому или иному типу трудовой деятельности, обеспечение необходимой оценки уровня языковой подготовки трудовых мигрантов – как особая задача в рамках Стандарта не выделяется. Отсюда целый круг вопросов, связанных с лингвистическим обеспечением формирования профессиональной квалификации трудовых мигрантов, остается без внимания. Между тем одним из путей разработки этой области может стать развитие лингводидактики для нужд специфической аудитории мигрантов. Подобная практика, как известно, реализована сегодня в странах Европы.

Такое положение дел объясняется, возможно, тем, что существующие профессиональные стандарты хотя и разрабатываются конкретными работодателями, однако все-таки приспособлены для оценки профессиональных компетенций граждан РФ, а не трудовых мигрантов. В целом развитие организованной квалифицированной трудовой миграции ставит перед лингвистами следующие задачи.

- Формирование глоссариев по востребованным профессиям, включающих терминологию и наиболее употребляемые выражения. Включение блока профессиональной лексики в процессы обучения русскому языку и тестирования / проверки знания.

- Участие в формировании глоссария специалиста по трудовой миграции с учетом российского профессионального стандарта «Специалист по трудовой миграции».

- Участие в работе по формированию общего подхода государств – участников СНГ к квалифицированным требованиям для специалистов по трудовой миграции – участников процессов подготовки и направления трудовых мигрантов в Россию, а также определение минимального необходимого уровня знания русского языка для эффективной адаптации трудовых мигрантов в российском обществе.

Перед Российской Федерацией стоит актуальная задача упорядоченного привлечения иностранных трудовых ресурсов и в

связи с этим государство нередко заключает двусторонние соглашения о взаимодействии со странами исхода. Однако практика показывает, что на разных уровнях взаимодействия институтов стран – участниц соглашений реального партнерства не возникает, а решение конкретных вопросов осуществляется исключительно государством трудоустройства – Российской Федерацией [Галас, Горшникова, Шевченко, 2021].

Особенно настораживает, что определенные группы въезжающих на территорию РФ лиц не заинтересованы в знакомстве с русской культурой, историей России и в изучении русского языка. При этом даже в тех случаях, когда мигранты более лояльны к специфике принимающего государства и нации, вопрос формирования общей культурной среды остается, как и вообще в мире, острым.

По нашему мнению, предупреждение развития конфликтных факторов миграции должно осуществляться не только в предваряющей миграционное регулирование работе с внутренними трудовыми ресурсами, но и на территории стран исхода при довыездной подготовке, которая требует формирования единой информационной базы мигрантов и организации специальных центров подготовки, а также создания правовых механизмов и институтов, которые могут реализовывать двусторонние договоренности стран – участников миграционных отношений.

Процесс миграции в целом активизирует развитие целого ряда социально-экономических, социально-психологических и культурных тенденций. С одной стороны, миграция способствует межкультурной коммуникации, но с другой – нередко влечет за собой столкновение противоречащих друг другу традиций и ценностей. По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, большинство мигрантов прибывают на территорию РФ с целью трудоустройства, при этом одним из ключевых становится вопрос социальной адаптации мигрантов [Курдюмов, 2020].

Меры по адаптации требуется согласовывать с актуальными целями миграционной политики РФ. Таковыми, согласно Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг., являются, в частности, поддержание согласия в российском обществе, обеспечение безопасности государства, защита и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода [Концепция ...]. В Концепции подчеркивается, что одним из традиционных принципов миграционной политики является учет многообразия региональных и этнокультурных укла-

дов жизни населения РФ, а также приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории.

При этом среди задач миграционной политики выделяются:

- создание благоприятного режима для свободного перемещения ..., профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления РФ;

- создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в РФ иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада.

Как видно, перед институтами, в ведении которых находится миграционная политика, всегда стоит двуединая задача анализа и управления процессами взаимной адаптации всех представителей миграционных отношений: как представителей принимающей стороны, так и иностранных граждан.

Такое управление требует, как мы полагаем, прежде всего разработки порядка, предписывающего использование на территории Российской Федерации русского языка, языков народов России, а также иностранных языков. Данный порядок, безусловно, должен широко обсуждаться общественностью, нуждается в основательной юридической проработке. Однако инициирование общественной рефлексии использования языка, охрана ценности русского языка (языков России) как средства общения нации, а также теоретическое и методическое сопровождение формирования билингвизма у мигрантов – задача лингвиста.

Отдельный блок задач связан с необходимостью учета и коррекции актуального содержания политико-правовых понятий и терминов, используемых в интерпретации закономерностей миграционных процессов. При внимательном рассмотрении содержания этих понятий очевидно, что нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в значительной степени зависит от того, каков объем категорий, описывающих статус и упорядочивающих соотношение социальных групп и отдельных лиц, участвующих в миграционных отношениях. Так, вследствие недостаточной терминологичности, а потому малой юридической эффективности понятия «соотечественник, проживающий за рубежом», оказывается невозможным создать необходимые условия для переселения на историческую родину целого ряда народностей, исконно проживавших на территории России [Возвращение ..., 2017].

Кроме того, актуальные потребности нормативно-правового регулирования в целом обнаруживают неразработанность *функционального* блока данных, инструментов и практик, который бы позволял оперативно управлять миграционной ситуацией в соответствии с актуальной правовой базой, поскольку сегодня не учреждено ни одной государственной структуры или профессионального объединения, призванного осуществлять указанную посредническую функцию, разрабатывать тактики, стратегии и конкретные инструменты ее осуществления. Такие структуры, по нашему мнению, могли бы: 1) системно поддерживать взаимную адаптацию миграционного законодательства и конкретных алгоритмов построения миграционной практики; 2) способствовать ее социально-политическому регулированию; 3) решать проблемы комплексного взаимодействия миграционных процессов с социально-экономическими проблемами жителей принимающих регионов, поскольку только в этом случае возможно сколько-нибудь эффективное регулирование процессов адаптации мигрантов.

Вероятно, решение перечисленных задач будет результативным в случае применения проектных лингвистических методов с целью разработки более детальных законодательных актов; логико-лингвистического моделирования, предполагающего системную оценку среды; анализа и уточнения объема терминов, которые представлены в нормативных документах.

Заключение

Сказанное позволяет актуализировать несколько типов конкретных задач теоретического и прикладного характера:

- задачи, связанные с трудовой миграцией и лингвистическим обеспечением формирования профессиональной квалификации мигрантов (работа с глоссариями, создание специальных образовательных программ и минимальных требований к языковой подготовке мигрантов, оценка языковой подготовки);
- задачи, связанные с внутригосударственной популяризацией русского языка и языков народов России, охраной ценности последних, а также популяризацией рефлексии использования языка;
- теоретико-прикладные задачи предупреждения конфликтных факторов функционирования языка в процессе интеграции мигрантов, анализ и обоснование языковых механизмов в межнациональном взаимодействии;

- комплекс смежных с юриспруденцией задач по разработке законодательных актов, регламентирующих использование русского языка и языков народов России, а также иностранных языков на территории страны;

- специальный круг прикладных задач, связанных с учетом и коррекцией актуального содержания правовых терминов.

Поскольку перечисленные вопросы взаимосвязаны, они ориентируют лингвиста на разработку комплексных решений и активное взаимодействие со специалистами смежных сфер, в частности юристами, психологами и этнографами.

Однако в исследовании миграционных процессов, как уже отмечалось, особую важность приобретают категории *активности* и *целесолагания*, определяющие процессы смыслообразования и речевой деятельности. Отсюда очевиден приоритет психолингвистической методологии в исследовании миграционных отношений. В отличие от коммуникативной лингвистической парадигмы психолингвистика последовательно и системно исследует процессы смысло- и речепорождения, онтологически обусловленные активным отношением субъекта к формированию факторов действительности, создающих необходимую индивиду среде бытования.

Большинство представленных выше задач учитывает специфику речесмыслопорождения в конкретной коммуникативной ситуации, которая наиболее детально разработана в этнопсихолингвистике, уже предложившей ряд решений, легко транспонирующихся на проблемы миграционной лингвистики.

Во-первых, в значительной мере разработана область исследования конфликтогенных факторов в межнациональной и межэтнической коммуникации. Сотрудники Лаборатории психолингвистики МГЛУ ведут многолетнюю систематическую работу по теоретико-методологическому обоснованию вербальной диагностики межэтнической напряженности, уточняют процедуру проведения ассоциативного эксперимента как наиболее эффективного метода исследования межэтнической напряженности [Пищальникова, Rogozina, 2004; Адамова, 2006; Кирилина, Терентий, 2016; Баженова, Пищальникова, 2017].

Во-вторых, существенная часть современных этнопсихолингвистических исследований акцентирует закономерности вербальной репрезентации базовых ценностей разных уровней и типов, в том числе ценности родного языка [Баженова, Пищальникова, 2017]. В частности, изучается речевая деятельность СМИ как ключевого агента социализации современного человека. На основе

анализа различных экспериментов психолингвисты моделируют содержание ценностей; анализируют способы их актуализации; исследуют структурные связи в системе иерархии ценностей; изучают динамику их содержания; сравнивают ценностные системы разных языков ([Нгуен Тхи Хьонг, 2000; Адамова, 2006; Бутакова, Гуц, Орлова, 2018; Хлопова, 2018; Яо Чжипэн, 2019; Пэй Цайся, 2019; Ассоциативный эксперимент ..., 2019; Картина мира ..., 2020; Двухязычный ..., 2020] и др.). Это позволяет спроецировать установленные закономерности и полученные результаты на интерпретацию роли языка в миграционных процессах и его участие в формировании у мигрантов новых ценностных систем, обнаружить тенденции изменения ценностного отношения носителей языка к понятиям и реалиям своей лингвокультуры и становления новых ценностных ориентиров. Тем самым лингвист выходит на моделирование изменений в когнитивных структурах мигранта и установление принципов стереотипизации его познавательных структур и моделей поведения под влиянием принимающей культуры в целом и иностранного языка, в частности. Попутно решается множество частных языковедческих проблем. Одновременно в рамках психолингвистики формируются динамические теории коммуникации на новых методологических основаниях, позволяющих объяснять интегративные языковые процессы в речемыслительной деятельности мигранта [Карданова-Бирюкова, 2022]; исследуются сущностные свойства речевого действия, которые объясняют такую интеграцию [Степыкин, 2021].

В-третьих, существенно этнопсихолингвистами разработаны основания для регламентации языковой политики на территории страны. Так, в рамках юрислингвистики и других направлений исследователи активно разрабатывают содержание понятия «лингвистическая безопасность», доказывают интерпретативную состоятельность термина «вербальное преступление», развивают инвектологию как специфическую область лингвистического исследования, уточняют понятие «инвектива», а также совершенствуют приемы лингвистической экспертизы как направления обеспечения лингвистической безопасности ([Голев, 2002 а, 2002 б, 2006; Голев, Головачева, 2005; Баранов, 2007; Баженова, Пищальникова, 2017] и мн. др.).

Однако самое существенное заключается в том, что, по мнению А.А. Леонтьева, этнопсихолингвистика имеет своим специфическим объектом национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности в: «а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах

речевой деятельности; б) языковом сознании, т.е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев, 2014]. Именно в этих проявлениях национально-культурной вариативности обнаруживается специфика речемыслорождения мигранта. Следовательно, *объектом теории* миграционной лингвистики как раздела этнопсихолингвистики могут стать *принципы интеграции речемыслорождения на двух языках в процессе аккультурации мигрантов*. Язык при этом рассматривается как одно из доминирующих средств аккультурации, изменения этнической идентичности, самосознания, аккумуляирования динамических компонентов миграционных отношений.

Список литературы

- Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 19 с.
- Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.Н. ; под ред. В.А. Пищальниковой. – Москва : Р. Валент, 2019. – 200 с.
- Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 151 с.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – Москва : Флинта ; Наука, 2007. – 592 с.
- Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 2(36). – С. 146–168. – URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/180707_vpl (дата обращения: 12.07.2022).
- Возвращение соотечественников: полный провал? // Общественное телевидение России. – 2017. – 06.12. – URL: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/vozvrasheniye-sootchestvennikov-polnyi-proval-29134.html> (дата обращения: 12.08.2022).
- Галас М.Л., Горшеникова Т.А., Шевченко К.Д. Инклюзия иностранных граждан. Реальность и прогнозирование миграционных процессов. – Москва : Прометей, 2021. – 282 с.
- Голев Н.Д. Инвективная и манипулятивная функции языка // Юрислингвистика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – № 7 : Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н.Д. Голева. – С. 3–11.
- Голев Н.Д. От редактора: фактуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002 а. – № 3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы / под ред. Н.Д. Голева. – С. 5–14.
- Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2002 б. – С. 110–123.

- Голев Н.Д., Головачева О.В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка: инвективное и манипулятивное функционирование языка // Юрислингвистика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – № 6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка. – С. 123–151.
- Двуязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / Пицальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Пэй Цайся, Яо Чжипэн. – Москва : Спутник+, 2020. – 262 с.
- Зубарева Е.О., Шустова С.В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 23–42.
- Карданова-Бирюкова К.С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2022. – 358 с.
- Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / Пицальникова В.А., Дубкова О.В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. – Москва : Р. Валент, 2020. – 240 с.
- Кирилина А.В., Терентий Л.М. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 130–139.
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/551516499?marker=7D80K5> (дата обращения: 07.06.2022).
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Курдюмов Н.В. Молодым мигрантам нужно предложить интересные онлайн-сервисы // Интервью для Sputnik. Таджикистан. – 2020. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200629/migranty-onlayn-servisny-1031492931.html> (дата обращения: 15.08.2022).
- Ламот Л.Г., Черноусова А.С. О книжном мире современного мигранта // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 68–96.
- Леонтьев А.А. Объект и предмет психолингвистической науки // Язык, речь, речевая деятельность. – 8-е изд. – Москва : Ленанд, 2014. – С. 5–10.
- Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика. – Пермь : Пермский институт экономики и финансов, 2020. – 192 с.
- Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – URL: <https://readera.org/migration-linguistics>
- Моцанская Е.Ю., Дружинина М.В. Устный перевод в ходе процедуры признания беженцем (на примере Австрии) // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 97–103.
- Нуен Тхи Хыонг. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2000. – 24 с.
- Новиков А.Ю., Шустова С.В. Актуализация концепта ENFANTS MIGRANTS во французском политическом медийном дискурсе // Миграционная лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 21–55.
- Пицальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – Москва ; Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 121–128.

- Пицальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. Часть 3. Лингвистика в междисциплинарных исследованиях языка и речи. – Москва : Р. Валент, 2021. – 415 с. Профстандарт: 07.008. Специалист по трудовой миграции // Справочник кодов общероссийских классификаторов. – URL: <https://classinform.ru/profstandarty/07.008-specialist-po-trudovoi-migracii.html> (дата обращения: 06.06.2022).
- Путина О.Н.* Принцип диалогизма в миграционной политике и миграционной лингвистике // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 56–67.
- Пэй Цайся.* Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2019. – 236 с.
- Реан А.А.* Психология изучения личности. – Санкт-Петербург, 1999. – 288 с.
- Салынская Т.В., Ясницкая А.А.* Специфика образовательной среды в рамках миграционных процессов // Миграционная лингвистика. – Пермь, 2020. – № 2. – С. 92–103.
- Степыкин Н.И.* Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2021. – 437 с.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/> (дата обращения: 06.06.2022).
- Сюткина Н.П., Черноусова А.С.* Миграционный медийный дискурс: к постановке проблемы // Миграционная лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 35–43.
- Хлопова А.И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2018. – 213 с.
- Шустова С.В.* Дискурсивные практики в немецком миграционном медиадискурсе // Миграционная лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 13–34.
- Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорощева Н.В.* «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / науч. ред. О.А. Радченко. – 2020. – С. 5–20. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>
- Шустова С.В., Костева В.М., Хорощева Н.В.* Мигрантский образовательный дискурс: коммуникативные стратегии и тактики // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 4–22.
- Яо Чжунэн.* Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2019. – 283 с.
- Diachrone Migrationslinguistik: Mehrsprachigkeit in historischen Sprachkontaktsituationen.* – Berlin, 2019. – URL: <https://www.romanistik.phil.fau.de/forschung/weitere-projekte/diachrone-migrationslinguistik-mehrsprachigkeit-in-historischen-sprachkontaktsituationen/>
- Gueli Alletti M.* Italesco – Interlinguale Sprachvarianz in vier Generationen italienischer Migranten. – Uni Mannheim, 2011. – 442 S.
- Gugenberger E.* Theorie und Empirie der Migrationslinguistik: Mit einer Studie zu den Galiciern und Galicierinnen in Argentinien. – Münster : LIT Verlag, 2013. – 658 S.
- Hünlich D.* Von Gastarbeiterdeutsch zu Kiezdeutsch. Morphosyntax im Wandel. – Heidelberg : Leibniz-Institut für deutsche Sprache, Universitätsverlag Winter, 2022. – 364 S.
- Krefeld T.* Einführung in die Migrationslinguistik: von der Germania italiana in die Romania multipla. – Gunter Narr Verlag, 2004. – 173 S.
- Massicot S.* Kostbares und Exquisites: Der französische Einfluss auf den bayerischen und fränkischen Konsum von 1600–1800 – Eine Untersuchung zu Kultur- und Sprachkontakt // Franconia. Beihefte zum Jahrbuch für fränkische Landesfor-

- schung. – 2015. – Bd 7 : Regionale Konsumgeschichte. Vom Mittelalter bis zur Moderne. Referate der Tagung vom 26 bis 28 Februar 2014 im Bildungszentrum Kloster Banz, Stegaurach: Wissenschaftlicher Kommissionsverlag. – S. 159–177.
- Schöntag R. Diachrone Migrationslinguistik: Eine Standortbestimmung // Diachrone Migrationslinguistik: Mehrsprachigkeit in historischen Sprachsituationen. – Berlin : Peter Lang, 2019. – S. 15–37.
- Schöntag R. Portugiesisch-spanischer Sprachkontakt im Mittelalter // Lusitanische Sprachwissenschaft. – 2010. – Bd 2 : Portugiesische Sprachwissenschaft: traditionell, modern, innovativ. – S. 231–245.
- Schöntag R. Portugiesisch-spanischer Sprachkontakt und Migration von der Antike bis zum Mittelalter // Lusorama. – 2008. – N 73/74. – S. 6–49. – URL: <https://opus4.kobv.de/opus4-fau/frontdoor/index/index/docId/15522>
- Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2011. – 298 S. – URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5161/file/moku02.pdf>

References¹

- Adamova, Z.G. (2006). *Verbal'naja diagnostika mezhjetnicheskoj naprjazhennosti*. (Unpublished doctoral dissertation thesis). Moscow.
- Pishhalnikova, V.A., Kardanova-Birjukova, K.S., Panarina, N.S., Stepykin, N.I., Hlopova, A.I., Shevchenko, S.N. (2019). *Associativnyj jeksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki*. Moscow: R. Valent.
- Bazhenova, I.V., Pishhalnikova, V.A. (2017). *Aktual'nye problemy lingvisticheskoy bezopasnosti*. Moscow: JuNITI-DANA.
- Baranov, A.N. (2007). *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Butakova, L.O., Guc, E.N., Orlova, N.V. (2018). Projekt «Regional'noe jazykovoe soznanie: vozrastnoj aspekt». *Voprosy psiholingvistiki*, 2(36), 146–168. Retrieved from: https://iling-ran.ru/web/ru/news/180707_vpl
- Vozvrashhenie sootchestvennikov: polnyj proval? *Obshhestvennoe televidenie Rossii*. (06.12.2017). Retrieved from: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/vozvrashhenie-sootchestvennikov-polnyi-proval-29134.html>
- Galas, M.L., Gorshnikova, T.A., Shevchenko, K.D. (2021). *Inkluzija inostrannyh grazhdan. Real'nost' i prognozirovanie migracionnyh processov*. Moscow: Prometej.
- Golev, N.D. (2006). Invektivnaja i manipuljativnaja funkcii jazyka. *Jurilingvistika: Jazyk kak fenomen pravovoj kommunikacii*, 7, 3–11.
- Golev, N.D. (2002 a). Ot redaktora: fktual'nye problemy jurilingvisticheskoy jekspertizy. *Jurilingvistika: Problemy jurilingvisticheskoy jekspertizy*, 3, 5–14.
- Golev, N.D. (2002 b). *Pravovoe regulirovanie rechevyh konfliktov i jurilingvisticheskaja jekspertiza konfliktogennyh tekstov. Pravovaja reforma v Rossijskoj Federacii: obshhetoreticheskie i istoricheskie aspekty*. Barnaul : Izd-vo AGU.

¹ Здесь и далее источники в разделе References оформлены в стиле APA 6th edition.

- Golev, N.D., Golovacheva, O.V. (2005). Jurislingvisticheskiy slovar' invektivnoj leksiki russkogo jazyka: Invektivnoe i maipuljativnoe funkcionirovanie jazyka. *Jurislingvistika: Invektivnoe i manipulyativnoe funkcionirovanie jazyka*, 6, 123–151.
- Pishhalnikova, V.A., Adamova, Z.G., Kosheleva, Ju.P., Panarina, N.S., Hlopova, A.I., Pjej, Cajsja, Jao, Chzhipjen. (2020). *Dvujazychnyj asociativnyj slovar' bazovyh cenostej*. Moscow: Sputnik +.
- Zubareva, E.O., Shustova, S.V. (2019). Sintagmatischekij analiz koncepta MIGRACIJA (na materiale korpusnyh dannyh). *Migracionnaja lingvistika*, 1, 23–42.
- Kardanova-Birjukova, K.S. (2022). *Lingvisticheskaja teorija rechevogo sobytija: strukturno-jevoljucionnyj aspekt*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Pishhalnikova, V.A., Dubkova, O.V., Cun, Fjenlin, Jao, Chzhipjen. (2020). *Kartina mira kitajcev: teorija i praktika nauchnogo issledovanija*. Moscow: R. Valent.
- Kirilina, A.V., Terentij, L.M. (2016). Opyt lingvisticheskoj diagnostiki mezhnacional'noj naprjazhennosti v internet-diskurse. *Voprosy psiholingvistiki*, 27, 130–139.
- Koncepcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody*. Retrieved from: <https://docs.cntd.ru/document/551516499?marker=7D80K5>
- Kuznecov, S.A. (2000). *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo jazyka*. Saint-Petersburg: Norint.
- Kurdjumov, N.V. (2020). Molodym migrantam nuzhno predlozhit interesnye onlajn-servisy. Interv'ju dlja Sputnik. Tadzhiqistan. Retrieved from: <https://tj.sputniknews.ru/20200629/migranty-onlayn-servisy-1031492931.html>
- Lamot, L.G., Chernousova, A.S. (2019). O knizhnom mire sovremennoho migranta. *Migracionnaja lingvistika*, 1, 68–96.
- Leontev, A.A. (2014). Objekt i predmet psiholingvisticheskoj nauki. In: *Yazyk, rech, rechevaya deyatelnost* (pp. 5–10). Moscow: Lenand.
- Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika*. (2021). Perm: Permskij institut jekonomiki i finansov.
- Migration Linguistics* (2019). Retrieved from: <https://readera.org/migration-linguistics>
- Moshhanskaja, E.Ju., Druzhinina, M.V. (2019). Ustnyj perevod v hode procedury priznanija bezhencem (na primere Avstrii). *Migracionnaja lingvistika*, 1, 97–103.
- Nguen, Thi Hyong. (2000). *Obrazy jazykovogo soznaniya russkih i v'etnamcev: sopostavitel'nyj analiz*. (Unpublished doctoral dissertation thesis). Moscow.
- Novikov, A.Ju., Shustova, S.V. (2021). Aktualizacija koncepta ENFANTS MIGRANTS vo francuzskom politicheskom medijnom diskurse. *Migracionnaja lingvistika*, 3, 21–55.
- Pishhalnikova, V.A., Rogozina, I.V. (2004). Kontsept kak instrument diagnostiki etnicheskoj napryazhenosti. In: *Yazykovoje soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty* (pp. 121–128). Moscow; Barnaul: Altai State University.
- Pishhalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2021). *Obshee jazykoznanie. Chast 3: Lingvistika v mezhdisciplinarnyh issledovanijah jazyka i rechi*. Moscow: R. Valent.
- Profstandart: 07.008. Specialist po trudovoj migracii. *Spravochnik kodov obshherossijskih klassifikatorov*. Retrieved from: <https://classinform.ru/profstandarty/07.008-spetcialist-po-trudovoi-migracii.html>
- Putina, O.N. (2019). Princip dialogizma v migracionnoj politike i migracionnoj lingvistike. *Migracionnaja lingvistika*, 1, 56–67.
- Pjej, Cajsja. (2019). *Anticennost' «korrupcija» / «腐败» kak fragment jazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Rean, A.A. (1999). Psihologija izuchenija lichnosti. Saint-Petersburg.

- Salynskaja, T.V., Jasnickaja, A.A. (2020). Specifica obrazovatel'noj sredy v ramkah migracionnyh processov. *Migracionnaja lingvistika*, 2, 92–103.
- Stepykin, N.I. (2021). *Rechevoe dejstvie kak psiholingvisticheskoj mehanizm porozhdenija i aktualizacii smysla*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii do 2025 goda. *Sovet Bezopasnosti Rossijskoj Federacii*. Retrieved from: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/>
- Sjutkina, N.P., Chernousova, A.S. (2020). Migracionnyj medijnyj diskurs: k postanovke problemy. *Migracionnaja lingvistika*, 2, 35–43.
- Hlopova, A.I. (2018). *Verbalnaja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Shustova, S.V. (2020). Diskursivnye praktiki v nemeckom migracionnom mediadiskurse. *Migracionnaja lingvistika*, 2, 13–34.
- Shustova, S.V., Zubareva, E.O., Horosheva, N.V. (2020). «Deti-migranty» kak social'nye agenty migracionnogo diskursa. *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* (pp. 5–30). Perm. Retrieved from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>
- Shustova, S.V., Kosteva, V.M., Horosheva, N.V. (2019). Migrantskij obrazovatel'nyj diskurs: kommunikativnye strategii i taktiki. *Migracionnaja lingvistika*, 1, 4–22.
- Jao, Chzhipjen. (2019). *Soderzhatelnaja specifika jetcheskogo ponjatija «vezhlivost'» / «礼貌» v russkom i kitajskom jazykah*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Schöntag, R., Massicot, S. (Hrsg.) (2019). *Diachrone Migrationslinguistik*. Berlin. Retrieved from: <https://www.romanistik.phil.fau.de/forschung/weitere-projekte/diachrone-migrationslinguistik-mehrsprachigkeit-in-historischen-sprachkontaktsituationen/>
- Gueli Alletti, M. (2011). *Italesco – interlinguale Sprachvarianz in vier Generationen italienischer Migranten*. (Unpublished doctoral dissertation). Uni Mannheim.
- Gugenberger, E. (2013). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik: Mit einer Studie zu den Galiciern und Galicierinnen in Argentinien*. Münster: LIT Verlag.
- Hünlich, D. (2022). *Von Gastarbeiterdeutsch zu Kiezdeutsch. Morphosyntax im Wandel*. Heidelberg: Leibniz-Institut für deutsche Sprache, Universitätsverlag Winter.
- Krefeld, T. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik: von der Germania italiana in die Romania multipla*. Gunter Narr Verlag.
- Massicot, S. (2015). Kostbares und Exquisites: Der französische Einfluss auf den bayerischen und fränkischen Konsum von 1600–1800 – Eine Untersuchung zu Kultur- und Sprachkontakt. *Franconia. Beihefte zum Jahrbuch für fränkische Landesforschung*, 7, 159–177.
- Schöntag R. (2019). Diachrone Migrationslinguistik: Eine Standortbestimmung. *Diachrone Migrationslinguistik: Mehrsprachigkeit in historischen Sprachsituationen* (S. 15–37). Berlin: Peter Lang.
- Schöntag, R. (2010). Portugiesisch-spanischer Sprachkontakt im Mittelalter. *Lusitanische Sprachwissenschaft*, 2, 231–245.
- Schöntag, R. (2008). Portugiesisch-spanischer Sprachkontakt und Migration von der Antike bis zum Mittelalter. *Lusorama*, 73–74, 6–49. Retrieved from: <https://opus4.kobv.de/opus4-fau/frontdoor/index/index/docId/15522>
- Stehl, T. (Hrsg.) (2011). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam. – Retrieved from: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5161/file/moku02.pdf>

Цун Фэнлин¹⁾, Дубкова О.В.²⁾

**Лингвистический анализ ценности «祖国 / родина»
в сознании китайцев***

¹⁾ *Китайский политико-правовой университет,
Китай, Пекин, allacong@163.com*

²⁾ *Сианьский университет иностранных языков,
Китай, Сиань, linuan12@mail.ru*

Аннотация. В сознании китайцев ценность «родина» представляет собой сложное системно-структурное образование, обозначается разными словами, внутренняя форма которых связана с особенностями административно-территориального деления Древнего Китая, сельскохозяйственной деятельностью, родовой принадлежностью и др. Ядром концепта родина является слово 祖国 / (букв.) *страна предков*, которое возникает в династии Мин, состоит из двух иероглифов, второй из которых обозначает «государство». Для анализа ценности «祖国 / родина» используется свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 168 респондентов. Результаты моделирования ассоциативно-семантического поля показывают, что в сознании китайцев преобладают понятийные ассоциативные реакции, наблюдается тесная графическая, структурная и семантическая связь слова-стимула и ассоциата. Самыми частотными являются реакции, содержащие в своей структуре иероглиф 国 / *страна*: 中国 / *Китай*, 爱国 / (букв.) *любить страну*, 国家 / *страна*, 家国 / *семья и страна*. Ценность «祖国 / родина» ассоциируется с конкретными понятиями (*мать, дом, карта, красный флаг, горы и реки*) или оценками (*великий, могучий, стабильный, процветающий, прекрасный*); китайцы считают, что Родину нужно любить, защищать, почитать, ею следует гордиться и отдавать ей жизнь. В сознании китайцев тесно связаны древние и современные простран-

* © Цун Фэнлин, Дубкова О.В., 2022

ственные, временные, административно-территориальные, профессиональные и другие представления о родине.

Ключевые слова: этническое сознание; свободный ассоциативный эксперимент; китайский язык; 祖国 / родина.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати: 16.08.2022

Cong F.¹⁾, Dubkova O.V.²⁾

**Linguistic analysis of the value «祖国/ homeland»
in the consciousness of the Chinese people***

¹⁾ *China University of Political science and Law,
China, Beijing, allacong@163.com*

²⁾ *Xi'an International Studies University,
China, Xi'an, linuan12@mail.ru*

Abstract. The value of «homeland» is a complex system-structural formation in the consciousness of the Chinese, denoted by different words, the internal form of which is associated with the specifics of the administrative-territorial division of Ancient China, agricultural activities, tribal affiliation, etc. Central to the concept «homeland» is the notion of 祖国 (literally «the country of ancestors»), which appears in the Ming Dynasty. It consists of two characters, the second of which means «state». To analyze the value of «祖国 / homeland» as a part of the consciousness of the Chinese people, a free association experiment was used, with 168 respondents involved. The results of modeling the associative-semantic field show that conceptual associative reactions prevail in the minds of the Chinese, there is a close graphical, structural and semantic connection between the stimulus word and the associate. The most frequent reactions are those containing in their structure the hieroglyph 国 (country): 中国 (China), 爱国 (literally – love the country), 国家 (country), 家国 (family and country). The value «祖国 / homeland» is associated with specific concepts (*mother, house, map, red flag, mountains and rivers*) or values (*great, mighty, stable, prosperous, beautiful*); the Chinese believe that the Homeland should be loved, protected, honored, taken pride in and given love for. In the minds of the Chinese, ancient and modern spatial, temporal, administrative and territorial, professional and other ideas about the homeland are closely connected.

Keywords: ethnic consciousness; free associative experiment; Chinese; 祖国 / homeland.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

Ценности занимают важное место в жизни каждого человека и общества в целом. Формирование списков ценностей каждого отдельного народа (этноса) и исследование каждой из ценностей – одна из задач современной лингвистики. В исследованиях базовых ценностей россиян концепт «Родина» рассматривается как ценность, в которой, по мнению В.И. Карасика, отражается «приоритетность потребностей всего сообщества по сравнению с потребностями отдельного человека» [Карасик, 2019, с. 12]. Цель настоящего исследования – определить национальные особенности ценности «祖国 / родина» в сознании китайцев. На основе анализа научной литературы на русском и китайском языках, различных словарей китайского языка и результатов свободного ассоциативного эксперимента возможно определить национально-этнические особенности данного ментального образования в сознании носителей языка иного графического и типологического строя.

Методология анализа ценности 祖国 / родина в сознании китайцев

«В китайском этническом сознании понятие “родина” формировалось на протяжении веков под влиянием внутривнутриполитических процессов и фактической изолированности Китая от остального мира», – справедливо указывает Фэн Ишань, рассматривая коннотации образа родины в китайской литературе [Фэн, 2021, с. 58]. Хотя концепт 祖国 / родина уже неоднократно являлся объектом научных исследований [侯建会 (Hou Jianhui), 2009; 王诗客 (Wang Shike), 2012; Юй, 2015; Фэн, 2020; Барышникова, 2018; Фэн, 2021; Хуан Т., Лю Х., 2021; Еремкина, 2022], но открытыми остаются многие вопросы, они связаны как с выделением ядра концепта, так и с его местом в сознании китайцев.

Как отмечает в своих исследованиях А.С. Черноусова: «В Китайском толковом словаре “Синьхуа” дается следующее определение: РОДИНА, 1. Это родная страна ...; 2. Место рождения и место происхождения, возникновения (gùxiāng, jiāxiāng, dànsēngdì, yuánchāndì)» [Черноусова, 2017, с. 54]. Это не совсем точно, скорее всего речь идет о переводе русского слова «родина» на китайский язык. В электронном словаре БКРС, популярном среди переводчиков-синологов, действительно, указывается два значения слова [Родина, Большой китайско-русский словарь]. Если мы обратимся к китайским словарям и справочным ресурсам, то обнаружим, что в китайском языке существуют связанные с концептом «родина» слова, имеющие близкую к русскому языку семантику:

祖国 1) (букв.) страна предков, обычно обозначает место, где жили предки семьи, рода; 2) страна, гражданином которой является данный человек, своя страна; антоним – 异国 / чужая страна [Словарь современного китайского языка, 2012, с. 1739].

故国 (книжн.) 1) страна с древней историей и культурой; 2) родина; 3) родная земля [Словарь современного китайского языка, 2012, с. 470].

老家 1) дом на родине, обычно указывается место, где живут родители, а также место, где человек жил долгое время, или место, где может собраться вместе его семья; 2) источник рода (семьи); 3) родители. Как отмечается в словарях, обозначает культурное происхождение, семейную историю или историю рода, сильный патриотизм и преданность родным местам и семье, сложные родственные отношения, которые поддерживают культурное наследие китайцев на протяжении всей их жизни [老家(汉语词语) Laojia (Nanyu cidian)].

故乡 / место рождения или долгого проживания. Слово образовано из двух иероглифов 故 / древний, исходный и 乡 / поселение (сян), административно-территориальная единица в Древнем Китае, определяющаяся количеством дворов (семей, подворий), например, в династиях Тан и Сун поселение сян состоит из 500 дворов [Словарь современного китайского языка, 2012, с. 470].

В китайском языке существует более десяти различных по внутренней форме синонимов данного слова, в основе наименования которых лежат разные семантические признаки, например: 故土 / родина, родной край (древний + земля); 故疆 / родные края (древний + граница); 故我 / родные места (древний + я); 故里 / родной край, родное поселение (древний + поселение ли из 100 дворов в династиях Тан и Сун); 老家 / родина (старый + дом); 家园 / дом, родина, родной

дом, семейный очаг (семья + сад, огород); 梓乡 / родина, родное село (катальпа + поселение сянь); 乡里 / родина, родная деревня (поселение сянь + поселение ли); 闾阎 / родина, место жительства простого народа (поселение люй обычно из 25 дворов + ворота деревни); 州闾 / родина (округ + поселение люй); 梓里 / родина, родной край (катальпа + поселение ли); 闾里 / родина (поселение люй + поселение ли); 桑梓 / родные места (тутовник + катальпа); 家乡 / родина (дом, семья + поселение сянь); 田园 / родина, родные места (поле + сад) и др. Данные слова показывают, что в сознании китайцев концепт «Родина» связывается с территориальным делением Древнего Китая, сельскохозяйственными угодьями, растительностью (тутовник – дерево, используемое в шелководстве; катальпа – дерево, высаживаемое вокруг могил) и др.

Как показывают результаты проведенного в 2014 г. Юй Фэн анализа концепта «Родина» как ценности, отраженной в китайской паремиологии, более половины китайских респондентов разных возрастных групп указывают пословицу «国家兴亡，匹夫有责 / Забота о судьбе Родины – долг каждого гражданина», связанную с концептом «Родина» [Юй, 2015, с. 182]. В данном случае «Родина» обозначается словом 国家 / страна, государство. Следует указать, что данное выражение восходит к высказыванию философа конфуцианца Гу Янью (1613–1682): «Правитель и его министры, которые защищают страну (国家), стремятся есть мясо; простые люди, которые защищают Поднебесную (天下), считают это своим долгом» [顾炎武, 百度文库] (Здесь и далее перевод наш. – Ц. Ф., О. Д.). В исходном тексте концепт «Родина» обозначается словом 天下 / Поднебесная.

В структуре концепта «Родина» у китайцев Н.Г. Барышникова выделяет шесть когнитивных слоев, которые включают эмоциональную составляющую (великий, красивый, мощный и др.), материальную культуру и особенности быта (Великая Китайская стена, площадь Тяньаньмэнь, чай и др.), пространственно географические характеристики (река, гора и др.), стереотипы поведения (щедрый, счастливый и др.), особенности менталитета (гордиться, слава, патриотизм и др.), социокультурный сегмент (Конфуций, КПК, Си Цзиньпин и др.) [Барышникова, 2018, с. 67]. Так как в анализе отсутствуют китайские эквиваленты, то трудно сделать вывод о том, какие слова китайского языка репрезентируют данный концепт.

Мы видим, что концепт «Родина» в китайском языке представляет собой сложное системно-структурное образование, связанное парадигматическими и синтагматическим связями. В состав

концепта входят слова: 祖国 / *родина*, 故国 / *родина*, *родная земля*, 国家 / *страна*, 天下 / *Поднебесная*, 家乡 / *родной край*, 故土 / *родная земля*, *родной край*, 田园 / *родина*, *родные места*, 故我 / *родные места*, 老家 / *родной дом*, 故里 / *родное поселение*, 梓乡 / *место рождения*, 乡里 / *место рождения*, 家园 / *дом*, *домашний очаг* и мн. др. В исследованиях Фу Янься [付艳霞 (Fu Yanxia), 2007], Лу Юйцин [陆雨青 (Lu Yuqing), 2014], Гао Фэнляна [高逢亮 (Gao Fengliang), 2019] и др. подробно рассматриваются культурологические особенности данных лексических единиц древнего и современного китайского языка, отмечается, что понятие «родина» обычно связывается с конкретным местом, а не с государством в целом.

Согласно семантическому анализу, а также частотности употребления в современном китайском языке, мы считаем, что ядром концепта является слово 祖国 / *страна предков*, так как именно в нем отражается современное общее понимание родины, как места рождения и проживания, 祖国 / *страна предков* – одна из традиционных китайских ценностей, отражающая общее представление о родственных связях носителей китайского языка. В последующем анализе ценность 祖国 мы будем переводить словом «родина».

Как показывает этимологический анализ, слово 祖国 / *родина* состоит из двух иероглифов: 祖 / *предок* – пиктограмма, изображающая храм предков (рис. 1); 國 / *страна* – идеограмма, изображающая древнее оружие и городскую стену, впоследствии с четырех сторон добавляется рамка, что обозначает «важное место на границе» (рис. 2). Современное написание иероглифа возникает в результате реформы китайского письма в середине XX в. Что касается истории возникновения слова 祖国 / *родина*, то Фэн Ишань отмечает: «В 1461 г. это слово [祖国] упоминается в “Дамин итун чжи” (кит. 大明一统志) – географическом описании, которое было написано Ли Сианем и Пэн Шин» [Фэн, 2020, с. 239]. Можно предположить, что слово 祖国 / *родина* возникает в династии Мин, имеет буквальное значение «страна предков», начинает активно использоваться в династии Цин и до настоящего времени идентифицируется с собственной страной; чувства к собственной стране включают чувства к национальному суверенитету, великим рекам и горам, прекрасной культуре и соотечественникам [祖国 (汉语词典) Zuguo (Hanyu cidian)].

Следует согласиться с выводом А.С. Черноусовой, что «Родина представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых констант, составляющих национальную картину мира у ... китайцев» [Черноусова, 2017, с. 57]. Для установления связей ценности 祖国 / *родина* с другими ценностями и определения

ее места в сознании китайцев необходимо провести дальнейший анализ. В данном случае нами выбран свободный ассоциативный эксперимент (САЭ).

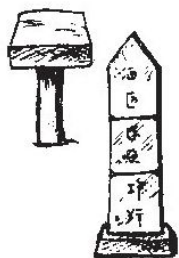

Рис. 1. Происхождение иероглифа
祖/ храм предков [祖(字源网)
Zu (Zhiyuanwang)¹

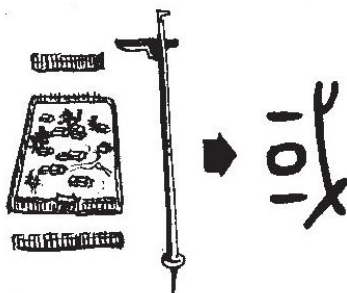

Рис. 2. Происхождение иероглифа
國/ страна, государство
[国(字源网) Guo (Ziyuanwang)²

Результаты свободного ассоциативного эксперимента ценности 祖国/ родина

САЭ проводился в марте-апреле 2022 г. в рамках исследования базовых ценностей социализма с китайской спецификой среди студентов различных специальностей и уровней обучения в вузах, расположенных в Пекине, Шанхае, пров. Шэньси, Цзянсу, Ганьсу, Шаньдун, Гуандун, Гуйчжоу, Аньхой и Синьцзян-Уйгурском АР. Для САЭ представлен список из 36 различных слов-стимулов, эксперимент проводился в стандартной форме и предполагал письменные ответы. В САЭ участвовали 168 респондентов, средний возраст – 23 года, более половины (58%) – девушки, около 10% – представители национальных меньшинств Китая. В результате анализа реакций на слово-стимул 祖国 / *родина* нами выделено 49 ассоциатов, десять из которых имеют пять и более реакций, девять – от четырех до двух реакций, 30 – единичные реакции; нами не зафиксировано отказов, что в целом соответствует общим результатам САЭ по другим словам-стимулам. Представим результаты САЭ на стимул 祖国 / *родина* (табл. 1). Перевод на русский язык является условным и не отражает лексико-грамматическую принадлежность ассоциатов.

¹ <https://www.fantiz5.com/ziyuan/祖>

² <https://www.fantiz5.com/ziyuan/国>

Результаты САЭ на стимул **祖国/ родина**

Реакция на китайском языке	Перевод на русский язык	Кол-во реакций
中国	<i>Китай</i>	32
母亲 / 妈	<i>мать, мама</i>	24
伟大	<i>великий</i>	10
爱国	<i>любить родину, патриотизм</i>	8
热爱	<i>горячо любить, горячая любовь</i>	8
繁荣昌盛	<i>процветание и могущество, богатый и процветающий</i>	7
红旗 / 五星红旗	<i>красный флаг, пятизвездный красный флаг</i>	6
家乡	<i>родной край</i>	6
红色	<i>красный цвет, революционный</i>	5
爱	<i>любовь, любить</i>	5
国家	<i>страна, государство</i>	4
花朵	<i>цветы, (обр.) молодежь</i>	4
怀抱	<i>лоно</i>	3
地图	<i>карта</i>	3
万岁	<i>10 тыс. лет (Пусть живет в веках!)</i>	3
土地	<i>земля, территория</i>	3
昌盛	<i>процветать, расцвет</i>	3
家	<i>дом, семья</i>	2
故乡	<i>родные места</i>	2
依靠	<i>опираться, опора</i>	1
保卫	<i>охранять, защищать</i>	1
可靠	<i>надежный</i>	1
回家	<i>вернуться домой</i>	1
大好河山	<i>прекрасные горы и реки</i>	1
天安门城楼	<i>Башия Тяньаньмэнь</i>	1
安宁	<i>спокойствие и тишина, мир</i>	1
安定	<i>стабилизировать, устойчивый</i>	1
家园	<i>дом, домашний очаг</i>	1

家国	<i>семья и государство</i>	1
富强	<i>процветание</i>	1
尊重	<i>уважать, почитать, уважение</i>	1
强盛	<i>сильный и процветающий</i>	1
归属感	<i>чувство принадлежности, сопричастности</i>	1
我和我的祖国	<i>я и моя родная страна</i>	1
支撑	<i>поддерживать, поддержка и опора</i>	1
故土	<i>родная земля, родной край</i>	1
星星	<i>звезды</i>	1
未来	<i>будущее</i>	1
民族	<i>народ, национальность</i>	1
自豪	<i>гордиться, гордость</i>	1
牺牲	<i>жертвовать жизнью, отдать жизнь</i>	1
生活	<i>жизнь</i>	1
种花家	<i>дом, где разводят цветы</i>	1
花园	<i>сад, цветник</i>	1
统一	<i>объединить, единство</i>	1
美好	<i>прекрасный</i>	1
胜利日	<i>День Победы</i>	1
身份	<i>положение, статус</i>	1
馋那	<i>завидовать, зариться</i>	1

Ядро, ближняя и дальняя периферия ассоциативного поля (АП) **祖国 / родина** в целом совпадают с результатами САЭ, проведенного в 2019 г. Чэнь Ваньжоу [Ваньжоу, 2019, с. 88–89], поэтому мы не будем подробно на них останавливаться. Отметим только, что наиболее частотные ответы – 中国 / *Китай* (32 реакции); 母亲 / *ма*, *мама* (24) и др. Отметим, что данные результаты в целом совпадают с результатами ассоциативного эксперимента со словом «Родина», проводимого И.В. Голубевой и А.Н. Громовой среди учеников российской средней школы [Голубева, 2017, с. 105]. Целесообразно отметить, что максимальная частотность ассоциата 中国 / *Китай* (32 реакции, 19,04%) также связана со структурой и семантикой слова-стимула, где присутствует иероглиф 国 / *страна*, а 中国 / *Китай* – самоназвание, (букв.) Центральная страна.

В АП 祖国 / *родина* входят различные по семантике реакции, общезыковые и национально-специфические, мы не будем останавливаться подробно на каждой из них. Предполагаем, что типология анализа АП, предложенная В.А. Пищальниковой по типам ассоциативных реакций [Пищальникова, 2009], позволит увидеть общие особенности сознания китайцев, связанные с ценностью 祖国 / *родина*. Нами выделяются следующие четыре типа ассоциатов:

1. *Понятийные*: 中国 / Китай 32; 母亲 / 妈 / мать, мама 24; 家乡 / родной край 6; 国家 / страна, государство 4; 怀抱 / лоно 3; 地图 / карта 3; 土地 / земля, территория 3; 家 / дом, семья 2; 故乡 / родные места 2; 家园 / дом, домашний очаг 1; 家国 / семья и государство 1; 故土 / родная земля, родной край 1; 星星 / звезды 1; 未来 / будущее 1; 民族 / народ, национальность 1; 生活 / жизнь 1; 身份 / положение, статус 1. Всего 87 реакций (51,79%).

2. *Эмоционально-оценочные*: 伟大 / великий 10; 热爱 / горячо любить, горячая любовь 8; 爱国 / любить родину, патриотизм 8; 繁荣昌盛 / процветание и могущество, богатый и процветающий 7; 万岁 / 10 тыс. лет (Пусть живет в веках!) 3; 可靠 / надежный 1; 安宁 / спокойствие и тишина, мир 1; 安定 / стабилизировать, устойчивый 1; 富强 / богатство и могущество 1; 强盛 / сильный и процветающий 1; 美好 / прекрасный 1; 归属感 / чувство принадлежности, сопричастности 1. Всего 43 реакции (25,59%).

3. *Представления*: 红旗 / 五星红旗 / красный флаг, пятизвездный красный флаг 6; 红色 / красный цвет, революционный 5; 花朵 / цветы, (обр.) молодежь 4; 回家 / вернуться домой 1; 天安门城楼 / Башня Тяньаньмэнь 1; 大好河山 / прекрасные горы и реки 1; 种花家 / дом, где разводят цветы 1; 花园 / сад, цветник 1; 我和我的祖国 / я и моя родная страна 1; 胜利日 / День Победы 1. Всего 22 реакции (13,10%).

4. *Операциональные*: 爱 / любовь, любить 5; 昌盛 / процветать, расцвет 3; 保卫 / охранять, защищать 1; 依靠 / опираться, опора 1; 尊重 / уважать, почитать, уважение 1; 自豪 / гордиться, гордость 1; 牺牲 / жертвовать жизнью, отдать жизнь 1; 支撑 / поддерживать, поддержка и опора 1; 馋那 / завидовать, зариться 1; 统一 / объединить, единство 1. Всего 16 реакций (9,52%).

Соотношение реакций ассоциативного поля на стимул 祖国 / *родина* представлено в диаграмме (рис. 3).

Понятийные реакции составляют более половины от общего количества реакций (51,79%) и представляют 17 ассоциатов из 49, что составляет 34,69% от общего количества ассоциатов, полученных в результате САЭ, что позволяет предположить, что в созна-

нии китайцев происходит переход от абстрактных представлений о родине к конкретным: *Китай, мама, дом, поселок, поселение, сад* и пр. Ассоциативные реакции могут указывать на интенсивность действия (признака), например *热爱 / горячо любить; 馋那 / за-риться*, как отмечают носители китайского языка, обозначает чувство, которое еще труднее переносить, чем чувство голода.

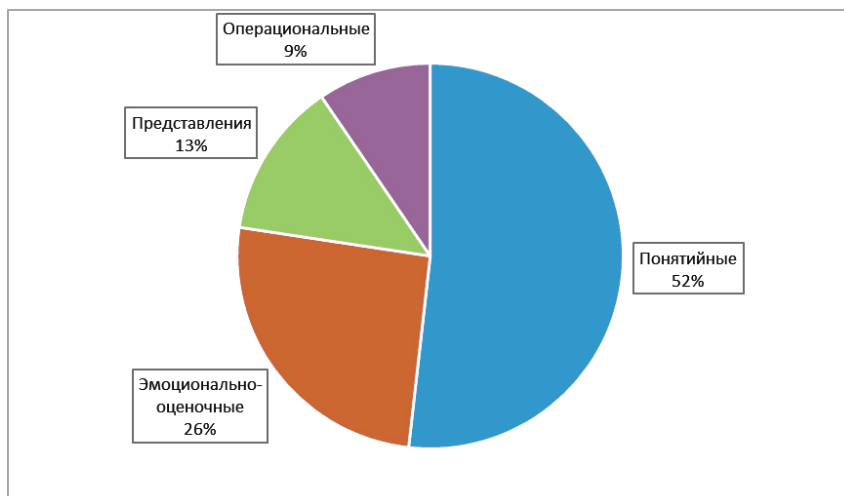

Рис. 3. Соотношение реакций САЭ ценности 祖国 / родина

Если говорить в целом, то результаты САЭ ценности 祖国 / родина совпадают с аналогичными исследованиями русского и китайского языков, но типологизация реакций позволяет определить особенности сознания китайцев, в котором 祖国 / родина ассоциируется с конкретными понятиями или оценками. Все это связано, с одной стороны, с происхождением иероглифов, из которых образовано данное слово, с другой – с происхождением самого слова и его семантическими связями в современном китайском языке.

САЭ показывает, что ценность 祖国 / родина в сознании китайцев тесно связана с ценностями социализма с китайской спецификой (爱国 / патриотизм; 富强 / процветание), а также с традиционными китайскими ценностями 家国 / семья и государство, 家乡 / родной край, 故乡 / родные места, 家 / дом, семья, 家园 / домашний очаг, 尊重 / уважение, 安宁 / спокойствие и тишина и др. Все это позволяет говорить, что 祖国 / родина является важной составляющей системы китайских ценностей.

Заключение

Анализ научной и справочной литературы на русском и китайском языках показывает, что слово *祖国 / родина* возникает в период правления династии Мин, построено по традиционной схеме и состоит из иероглифов, семантика которых определяет семантику ассоциатов и структуру АП. Слово-стимул *祖国 / родина* в сознании китайцев связано с *中国 / Китаем*, *母亲 / матерью*, *爱国 / патриотизмом*, *家 / домом*; в ассоциативное поле входят ассоциаты, обозначающие пространство, время, природные объекты и др.; *祖国 / родина* оценивается как великая, прекрасная, богатая, сильная и процветающая страна, которую нужно горячо любить, охранять и поддерживать, ею нужно гордиться и отдать ей жизнь; родина дает чувство сопричастности и единства, родина – это место, в которое нужно возвращаться и с которой связывается будущее; для китайцев также важны символы государственности и революционное прошлое. Предполагается, что анализ древних представлений о родине как о месте происхождения или проживания рода, семьи или предков, месте рождения или месте долгого проживания (*故乡, 家乡, 故里* и др.), связанных семантически с административно-территориальным делением в Древнем Китае, позволит более полно представить ценность «родина» в сознании китайцев.

Список литературы

- Барышникова Н.Г.* 1.4.2.1. Культурные концепты как отражение языковой картины мира китайцев (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района) // Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2018. – С. 63–69.
- Ваньжоу Ч.* Психолингвистический анализ базовых ценностей «терпимость» и «Родина» в китайской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 4(820). – С. 81–90.
- Голубева И.В., Громова А.Н.* «Если скажут слово “Родина”...» (анализ результатов ассоциативного эксперимента) // Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 08 ноября – 08 декабря 2017 года. – Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2017. – С. 101–105.
- Еремкина Е.С., Гофман Т.В.* Концепт ПАТРИОТ в фокусе лексикографических источников на китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 920–924. – DOI: 10.30853/phil20220131

- Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. – Москва : ДИСКУРС, 2019. – 524 с.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. – Москва : Академия, 2009. – 446 с.
- Родина // Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=родина>
- Фэн И.* Формирование понятия «Родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая : доклады двух международных научно-практических конференций, Благовещенск, 12–18 мая 2020 года / под редакцией А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2020. – С. 237–246.
- Фэн Ишань.* Историко-культурные и этнопсихологические коннотации образа родины в китайской литературе // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 56–64. – DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-56-64
- Хуан Т., Лю Х.* Концепт «патриотизм» в китайской языковой картине мира // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4(88). – С. 128–136. – DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_14
- Черноусова А.С.* Восприятие слова «Родина» в русской и китайской лингвокультурах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 48–59. – DOI: 10.17072/2037-6681-2017-3-48-59
- Юй Ф.* Концепт «Родина» как ценность у русских и китайцев // Этнопсихология: Актуальные проблемы современного мира : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Благовещенск, 25 марта 2015 года / отв. ред. Е.В. Афонасенко. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – С. 176–183.
- 付艳霞, 当“故乡”变成“老家”[J], 作品与争鸣, 2007(11), 第50–51页. = *Фу Янься.* Превращение из «гусян» в «лаоцзя» // Произведения и дискуссии. – 2007. – № 11. – С. 50–51. – На кит. яз.
- 高逢亮, “家乡”故乡词义辨[J], 甘肃广播电视大学学报, 2019, 029(003), 第17–20页. = *Гао Фэнлянь.* Отличие значений слов «цзясян» и «гусян» // Вестник Ганьсуйского университета радиовещания и телевидения. – 2019. – № 029(003). – С. 17–20. – На кит. яз.
- 故乡(汉语词语), 百度百科. = Гусян (Словарь китайского языка) // Энциклопедия Байду. – URL: <https://baike.baidu.com/item/故乡/1429?fr=aladdin>. – На кит. яз.
- 顾炎武, 《日知录·正始》原文及赏析, 百度文库. = *Гу Яньу.* «Жичжилу. Чжи-ши»: исходный текст и художественный анализ // Байду Вэньку. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/8a.html> – На кит. яз.
- 国(字源网). = Го // Цзыюаньван. – URL: <https://www.fantiz5.com/ziyuan/国>. – На кит. яз.
- 侯建会, 《祖国》的多维统一性与爱国主义的时代要求[J], 理论导刊, 2009, 第43–46页. = *Хоу Цзяньхуэй.* Современные требования многомерной интеграции «Родины» и патриотизма // Руководство по теории социализма. – 2009. – С. 43–46. – На кит. яз.
- 老家(汉语词语), 百度百科. = Лаоцзя (Словарь китайского языка) // Энциклопедия Байду. – URL: <https://baike.baidu.com/item/老家/54318#viewPageContent>. – На кит. яз.

- 陆雨青, “家乡”、“故乡”与“老家”的词义辨析[J], 课程教育研究 (新教师教学), 2014(029), 第311–312页。= *Лу Юйцин*. Семантический анализ синонимов «цзясян», «гусян» и «лаоцзя» // Курсовые образовательные ресурсы (Новые преподаватели и новое обучение). – 2014. – № 29. – С. 311–312. – На кит. яз.
- 王诗客, 汉语新诗中祖国母亲隐喻的多维度研究[D], 浙江大学, 2012, 第47–56页。= *Ван Шикэ*. Многоуровневое исследование метафор Родина-мать в современной китайской поэзии // Чжэцзянский университет. – 2012. – С. 47–56. – На кит. яз.
- 现代汉语词典 (第6版), 商务印书馆, 2012年, 1789页。= Словарь современного китайского языка. – Пекин: Коммерческое издательство, 2012. – 1789 с. – На кит. яз.
- 祖 (字源网). = Цзу // Цзыюаньван. – URL: <https://www.fantiz5.com/ziyuan/组/>. – На кит. яз.
- 祖国(汉语词语), 百度百科。= Цзуго (Словарь китайского языка) // Энциклопедия Байду. – URL: <https://baike.baidu.com/item/祖国/BD/2913?fr=aladdin/>. – На кит. яз.

References

- Baryshnikova, N.G. (2018). 1.4.2.1. Kul'turnye koncepty kak otrazhenieazykovoj kartiny mira kitajcev (na primere Sin'czyan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona). In: *Lingvokul'turologičeskij podhod v kontekste razvitiya transgranichnogo sotrudničestva Bol'shogo Altaya* (pp. 63–69). Barnaul: Altajskij dom pečati.
- Wanrou, Ch. (2019). Psiholingvističeskij analiz bazovyh cennostej «terpimost'» i «Rodina» v kitajskoj kul'ture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 4(820), 81–90.
- Golubeva, I.V., Gromova, A.N. (2017). «Esli skazhut slovo “Rodina”...» (analiz rezul'tatov asociativnogo eksperimenta). In: *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: gipotezy, problemy, rezul'taty* (pp. 101–105). Novosibirsk: Centr razvitiya nauchnogo sotrudničestva.
- Eremkina, E.S., Gofman, T.V. (2022). Koncept PATRIOT v fokuse leksikografičeskikh istočnikov na kitajskom yazyke. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 15(3), 920–924. DOI: 10.30853/phil20220131
- Karasik, V.I. (2019). *Yazykovye mosty ponimaniya*. Moscow: Issledovatel'skaya kompaniya DISKURS.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2009). *Obščee yazykoznanie*. Moscow: Akademiya. Rodina. In: *Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'*. Retrieved from: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=родина>
- Feng, I. (2020). Formirovanie ponyatiya «Rodina» v etničeskom soznanii kitajcev (po materialam slovarėj i tekstov klassičeskoj literatury). In: *Rossija i Kitaj na dal'nevostočnyh rubezah. Narody i kul'tury Severo-Vostočnogo Kitaya* (pp. 237–246). Blagoveshčensk: Amurskij gosudarstvennij universitet.
- Feng, Yishan (2021). Istoriko-kul'turnye i etnopsihologičeskie konnotacii obraza rodiny v kitajskoj literature. *Gumanitarnyj vector*, 16(1), 56–64. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-56-64

- Huang, T., Lyu, H. (2021). Koncept «patriotism» v kitajskojazykovoj kartine mira. *Političeskaya lingvistika*, 4(88), 128–136. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_14
- Chernousova, A.S. (2017). Vospriyatie slova «Rodina» v ruskoj i kitajskoj lingvokul'turah. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubežhnaya filologiya*, 9(3), 48–59. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-3-48-59
- Yu, F. (2015). Koncept «Rodina» kak cennost' u ruskich i kitajcev. *Etnopsihologiya: Aktual'nye problemy sovremennogo mira* (pp. 176–183). Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet.
- 付艳霞, 当“故乡”变成“老家”[J], 作品与争鸣, 2007(11), 第50–51页。 = Fu, Yanxia (2007). When «Guxiang» becomes «Laojia» [J]. *Works and Contention*, 11, 50–51. (In Chinese).
- 高逢亮, “家乡”故乡词义辨[J], 甘肃广播电视大学学报, 2019, 029(003), 第17–20页。 = Gao, Fengliang (2019). Distinguishing the meaning of the words «Jiaxiang» and «Guxian» [J]. *Journal of Gansu Radio and Television University*, 029(003), 17–20. (In Chinese).
- 故乡(汉语词语), 百度百科。 = Guxiang (Chinese words). In: *Baidu Encyclopedia*. Retrieved from: <https://baike.baidu.com/item/故乡/1429?fr=aladdin>. (In Chinese).
- 顾炎武, 《日知录·正始》原文及赏析, 百度文库。 = Gu Yanwu. Rizhilu. Zhengshi. Original text and appreciation. Retrieved from: <https://wenku.baidu.com/view/8a.html>. (In Chinese).
- 国(字源网)。 = Guo. Retrieved from: <https://www.fantiz5.com/ziyuan/国/>. (In Chinese).
- 侯建会, 《祖国》的多维统一性与爱国主义的时代要求[J], 理论导刊, 2009, 第43–46页。 = Hou, Jianhui (2009). The multidimensional unity of the Motherland and the era requirements of Patriotism [J]. *Journal of Socialist Theory Guide*, 43–46. (In Chinese).
- 老家(汉语词语), 百度百科。 = Laojia (Chinese words). Retrieved from: <https://baike.baidu.com/item/老家/54318#viewPageContent/>. (In Chinese).
- 陆雨青, “家乡”、“故乡”与“老家”的词义辨析[J], 课程教育研究(新教师教学), 2014(029), 第311–312页。 = Lu, Yuqing (2014). An analysis of the meanings of «Jiaxiang», «Guxiang» and «Laojia». *Course Education Research (Xin jiaoshi jiaoxue)*, 029, 311–312. (In Chinese).
- 王诗客, 汉语新诗中祖国母亲隐喻的多维度研究[D], 浙江大学, 2012, 第47–56页。 = Wang, Shike (2012). A multidimensional study of the metaphor of mother country in Chinese New Poetry [D]. *Zhejiang University*, 47–56. (In Chinese).
- 现代汉语词典(第6版), 商务印书馆, 2012年, 1789页。 = Modern Chinese Dictionary (2012). *Commercial Press*, 1789. (In Chinese).
- 祖(字源网)。 = Zu. Retrieved from: <https://www.fantiz5.com/ziyuan/祖/> (In Chinese).
- 祖国(汉语词语), 百度百科。 = Zuguo (Chinese words). Retrieved from: <https://baike.baidu.com/item/祖国/B2913?fr=aladdin/>. (In Chinese).

Лось А.Л.

**Репрезентация звуковых ощущений «треск» и «хруст»
по данным семантического и ассоциативного
экспериментов***

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
Россия, Москва, al_los24@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка разграничить значения слов «треск» и «хруст», репрезентирующих звуковые ощущения, на основе экспериментальных лингвистических процедур (семантического и ассоциативного экспериментов). Рассмотрена процедура экспериментального исследования и описаны спорные аспекты ее практического использования для изучения слов «треск» и «хруст». Показано, как когнитивная интерпретация значения синонимов позволяет разграничить их значения и объяснить различия в их употреблении. Экспериментальное исследование репрезентации звуковых ощущений «треск» и «хруст» и последующая когнитивная интерпретация результатов эксперимента подтвердили наличие трех семантико-когнитивных признаков, по которым можно разграничить значения синонимов «треск» и «хруст».

Ключевые слова: семантический эксперимент; ассоциативный эксперимент; звуковые ощущения; семантико-когнитивный признак.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати: 16.08.2022

Los' A.L.

Representation of auditory sensations of *tresk* and *khrust* based on semantic and associative experiments*

*National Research University of Electronic Technology,
Russia, Moscow, al_lo24@mail.ru*

Abstract. The paper attempts to differentiate the meanings of the words «tresk» and «khrust» representing sound sensations, based on experimental linguistic procedures (semantic and associative experiments). The procedure of experimental research is considered, and the controversial aspects of its practical usage for studying the words «tresk» and «khrust» are described. The paper shows how cognitive interpretation of the meaning of synonyms helps to distinguish their meaning and explain the differences in their use. The experimental study of actualizing the «tresk» and «khrust» sound sensations and cognitive interpretation of the experimental findings confirmed that there are three semantic and cognitive features, which differentiate the meanings of these synonyms.

Keywords: semantic experiment; associative experiment; auditory sensations; semantic and cognitive feature.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

Частные экспериментальные процедуры в когнитивной лингвистике

В науке для подтверждения гипотез используется эксперимент, который определяет надежность и достоверность полученных результатов. Важным аспектом когнитивных лингвистических исследований является возможность проведения эксперимента, что в свою очередь приближает лингвистику к точным наукам, которые не обходятся без экспериментального подтверждения данных.

Экспериментальные процедуры, такие как ассоциативный и семантический виды эксперимента, используются в когнитивной лингвистике в исследовании языкового содержания концептов и семантики слов в целом, для анализа и последующего объяснения поведения языковых явлений. Применение чисто лингвистических

* © Los' A.L., 2022

процедур (компонентного, дистрибутивного, контекстуального анализа) недостаточно, поскольку они в большей степени имеют описательный характер. По результатам семантического и ассоциативного экспериментов составляется когнитивная интерпретация, сущность которой различна. В обоих случаях когнитивная интерпретация представляет собой набор семантико-когнитивных признаков, но их суть и формулировки разные в той мере, в какой отличаются цель, процедуры проведения этих двух экспериментов и полученные данные.

Ассоциативный эксперимент в общем понимании строится на базе исследования ассоциативных характеристик, связанных со словом-стимулом, и закрепленных за ними в сознании понятий. Испытуемые описывают ассоциации словами или выбирают из предложенного перечня ассоциаций. Описание ассоциаций происходит спонтанно, без раздумий. Полученные в ходе ассоциативного эксперимента ассоциации обобщаются в семантико-когнитивные признаки, которые формируют основу когнитивной интерпретации [Стернин, 2020]. Касательно процедуры проведения ассоциативного эксперимента возникает вопрос по оптимальному количеству испытуемых и по количеству ассоциаций, достаточных для того, чтобы сформулированные когнитивные признаки были обоснованы и давали полное и исчерпывающее описание значения исследуемого слова или группы слов-репрезентантов концепта. Поскольку в ассоциативном эксперименте может участвовать абсолютно любой человек, владеющий исследуемым языком, и никаких особых требований к испытуемым не предъявляется, то количество испытуемых может быть достаточно большим – от 100 до 150 человек. Для ассоциативного эксперимента именно такое количество является оптимальным [Залевская, 2011; Стернин, 2004], чтобы результаты были обоснованы. Важно также, чтобы испытуемые были заинтересованы в исследовании и четко понимали, что от них требуется. Число ассоциаций, соответственно, ограничено количеством испытуемых.

Семантический эксперимент построен по-иному. Его целью является выявление правильности / неправильности нормированного использования лексической единицы в предложенных высказываниях, и далее полной сочетаемости этой единицы [Селиверстова, Сулейманова, 1988; Селиверстова, 2004]. Данные анализа и обобщения сочетаемостных характеристик слова позволяют сформулировать семантико-когнитивные признаки, составляющие его значение, и тем самым уточнить значение, опираясь на объяснение когнитивных связей между языковыми явлениями и процессами. Перечень семантико-когнитивных признаков составляет когнитив-

ную интерпретацию значения исследуемого слова или группы слов. Соответственно в семантическом эксперименте нужна не спонтанная реакция, а обдуманый, взвешенный ответ по поводу возможности / невозможности употребления единицы в данном высказывании. В семантическом эксперименте может участвовать не каждый, а только носитель языка, владеющий языком на высоком уровне. В связи с этим количество информантов в семантическом эксперименте гораздо меньше, чем в ассоциативном, и варьируется от пяти до десяти человек (см.: [Сулейманова, Фомина, 2017]). Такое количество информантов считаем обоснованным, поскольку если ответы информантов согласованы и не противоречат друг другу, то по пяти-десяти оценкам можно судить о правильности / неправильности использования единицы в заданном контексте; если же оценки, данные информантами высказыванию, диаметрально противоположны, то это означает, что данный контекст употребления требует дополнительного изучения. Более того, как показывает опыт, найти большое количество информантов, владеющих языком и заинтересованных в исследовании, не так просто. Владение языком и интерес к исследованию являются двумя равнозначными факторами для приглашения информантов к исследованию.

Еще один вопрос при подготовке и проведении лингвистических экспериментов связан с величиной экспериментальной выборки контекстов для оценки информантами в случае проведения семантического эксперимента и количеством слов-стимулов в одной анкете, предъявляемой испытуемым, в случае проведения ассоциативного эксперимента. На наш взгляд, величина экспериментальной выборки для предъявления информанту за один раз должна содержать не более 15 контекстов, чтобы информант не устал, и уделил одинаковое время для оценки каждого из 15 высказываний. Количество слов-стимулов в анкете для испытуемых в ассоциативном эксперименте также не должно быть слишком большим.

Экспериментальное исследование различий в значениях слов «треск» и «хруст»

Семантический и ассоциативный эксперименты различаются не только количеством испытуемых / информантов, целью и процедурой проведения, но и также характером получаемых данных и принципами их интерпретации. При исследовании различий в

значениях слов *треск* и *хруст*, описывающих звуковые ощущения, были использованы данные семантического и частично ассоциативного экспериментов.

Проблематизация

Необходимость исследования различий между звуковыми ощущениями *треск* и *хруст* обусловлена тем, что в толковых словарях слово *хруст* толкуется через слово *треск*: *хруст* – треск при разламывании чего-н. хрупкого; негромкий трещащий звук [ТСРЯ, 2015, с. 1248]; сухой треск от чего-л. ломающегося, раздробляемого [СРЯ2, 1999, с. 628]; треск чего-н. хрупкого, ломающегося, раздробляемого [ТССРЯ, 2005, с. 1151].

В словарных определениях обоих слов есть сходные составляющие: *треск* – резкий сухой звук, издаваемый ломающимися, лопающимися предметом [СРЯ2, 1999, с. 406].

В качестве синонима к слову *треск* в словарях синонимов предлагается слово *хруст*. И действительно, есть контексты, в которых эти слова взаимозаменяемы, например *хруст / треск веток*, *громкий треск / хруст*. При этом после замены слова *хруст* на слово *треск* в предложении «Он услышал хруст веток под ногами» у большинства информантов, участвующих в нашем эксперименте, возникли сомнения по поводу правильности полученного высказывания: Он услышал треск веток под ногами. Есть контексты, в которых нельзя заменить один синоним другим: *Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с треском распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг*. Если в данном контексте слово *треск* заменить на слово *хруст*, то высказывание станет неправильным: * *Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с хрустом распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг*.

Процедура экспериментального исследования

Для уточнения различий между значениями слов *треск* и *хруст* использовалась процедура, включающая несколько этапов: отбор контекстов с исследуемыми словами в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ); обобщение выборки контекстов; предварительный анализ; формирование экспериментальной вы-

борки контекстов для оценки информантами и подготовка анкеты для опроса испытуемых на предмет ассоциаций; обработка результатов; формулирование семантико-когнитивных признаков; проверка признаков через сочетаемость в НКРЯ, повторное формирование экспериментальной выборки и окончательное составление когнитивной интерпретации значений слов *треск* и *хруст* с тем, чтобы выявить сходные и отличительные семантико-когнитивные признаки, составляющие интерпретацию, и тем самым выявить различия в языковой репрезентации этих разных звуковых ощущений.

Испытуемые

В ассоциативном эксперименте участвовали 110 человек, 15 преподавателей Института лингвистического и педагогического образования НИУ МИЭТ в возрасте от 30 до 60 лет и 95 студентов второго и третьего курсов НИУ МИЭТ. Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в ассоциативном эксперименте. Напишите слова, которые у вас ассоциируются со словом *треск*. Можно написать несколько слов». Подобная инструкция прилагалась к экспериментальному опросу по выявлению ассоциаций к слову *хруст*. Для получения дополнительного списка ассоциаций, инструкция формулировалась следующим образом: «Подберите определение к словам “треск – какой”, “хруст – какой” и запишите их»; «Подберите дополнение к словам “треск – чего?”, “хруст – чего?” и запишите их».

В семантическом эксперименте участвовали восемь информантов, все преподаватели Института лингвистического и педагогического образования НИУ МИЭТ, пять из них имеют степень кандидата филологических наук. Информантам предлагалось оценить спорные контексты употребления лексем *треск* и *хруст* в отношении нормированного использования по следующей шкале: четыре – точно используется; три – возможно используется, но я не уверен; два – возможно не используется, но я не уверен; один – точно не используется.

Результаты исследования

В НКРЯ со словом *треск* было найдено около 6000 вхождений, из них более двух третей повторяющихся, сходных контекстов. Например, сочетание *с треском провалиться* в идентичных и

различных более широких контекстах встретилось более 100 раз. После отсечения повторяющихся контекстов основная выборка составила 200 контекстов употребления. Для иллюстрации приведем некоторые из них:

- *громкий / оглушительный / сильный / оглушающий / непрекращающийся / сухой / подозрительный / противный / резкий треск;*
- *треск веток / ломающихся сучьев / дерева / костей / горящей соломы и бревен / рвущейся ткани / мотора / огня / автоматных очередей; характерный треск сминаемых кустов;*
- *треск стоял / прекратился / пошел;*
- *с треском ворвался / с треском покатился / с треском распахнулась и др.*

В результате проведения ассоциативного эксперимента к слову *треск* были предложены следующие ассоциации (в списке только те, которые были у большего количества испытуемых): *звук (25), шум (19), дерево (15), ломать (12), ветка (10), хруст (7), лед (5), сучья (4), громкий (3)*; на дополнительные ассоциации в фразах (спонтанный ответ на вопрос: *треск какой?* или *треск чего?*) были получены следующие ответы испытуемых: *треск – громкий (37), ужасный (28), постоянный (17), звонкий (10); треск веток (28), треск сучьев (24)*.

Со словом *хруст* найдено около 1400 вхождений в НКРЯ, основная выборка составила 100 контекстов. Отметим, что с одной стороны, количество контекстов в основной выборке должно быть не очень большим, пригодным для анализа. Ведь исследователю для полной картины приходится работать со всеми контекстами одновременно. И если количество контекстов в основной выборке чрезмерно большое, то этот процесс будет затруднителен. Между тем количество контекстов должно быть достаточным для того, чтобы итоговый перечень и содержание семантико-когнитивных признаков был исчерпывающим, и в нашем случае позволил выявить различия между репрезентациями в языке двух разных звуковых ощущений. Для нашего исследования 100–200 контекстов считаем оптимальным. Приводим основные контексты употребления слова *хруст*:

- *противный / характерный / легкий / отвратительный / жуткий / резкий / странный / негромкий / отчетливый / слабый / сухой / мерзкий / короткий / страшный / глухой / смачный / тошнотворный / сочный / подозрительный / знакомый хруст;*
- *хруст костей / веток / позвонков / пальцев / снега / гравия / шагов / ветвей / суставов / песка / до хруста в костях;*

- *хруст за спиной / под ногами;*
- *хруст стоял / повторился / прекратился / пошел* и др.

Ассоциации со словом *хруст*: *звук (31), сухарики (17), снег (15), зубы (13), огурец (8), сустав (6), сук (5), морковь (4), ветка (3)* и др. На дополнительные ассоциации в фразах (спонтанный ответ на вопрос: *хруст какой?* или *хруст чего?*) были получены следующие ответы испытуемых: *хруст – громкий (27), мерзкий (22), неприятный (20); хруст костей (32), зубов (24), снега (17), суставов (13)* и др.

После анализа сочетаемостных характеристик и проверки спорных характеристик путем предъявления экспериментальной выборки контекстов испытуемым, были выявлены отличительные семантико-когнитивные признаки в составе значения звуковых ощущений *треск* и *хруст*.

Хруст – это звуковое ощущение от (1) трения двух объектов друг о друга в результате (2) силового воздействия (надавливания) и / или (3) движения и / или (4) тотального разрушения одного из объектов на мелкие части. При этом (5) поверхности обоих объектов / одного из объектов полностью задействованы.

Треск – это звуковое ощущение от (1) разрушения одного объекта на (2) две, реже более частей, (3) целостность объекта может быть не нарушена (*глыба с треском врезалась, яхта не успела замедлить ход и с треском врезалась в причал, дверь с треском распахнулась*). Треск подразумевает нарушение целостности объекта в результате (4) движения этого объекта или воздействия на него другим объектом; при этом (5) площадь соприкосновения двух объектов частичная.

Из представленных интерпретаций видно, что значения слов *треск* и *хруст* отличаются по следующим семантико-когнитивным признакам: 1) источнику силового воздействия на объекты; 2) площади соприкосновения объектов; 3) степени нарушения целостности объектов, участвующих в производстве звуковых ощущений *треск* и *хруст*.

Заключение

Исследование репрезентации звуковых ощущений показывает, что анализ как семантической, так и психологической составляющей значения слов, представляющих звуковые ощущения, играет важную роль в описании различий значений номинантов-синонимов

звуковых ощущений. При этом когнитивная интерпретация значения позволяет выявить и объяснить эти различия. Экспериментальное исследование языковой репрезентации звуков *хруст* и *треск* и последующая когнитивная интерпретация результатов эксперимента установили три семантико-когнитивных признака, по которым можно разграничить значения слов *хруст* и *треск*.

В перспективе можно расширить рамки экспериментального исследования путем привлечения эквивалентов звуковых ощущений *хруст* и *треск* в других языках для того, чтобы выявить различия в восприятии и репрезентации сходных звуковых ощущений в разных языках и специфические особенности восприятия звуков и их актуализацию в разных культурах.

Список литературы

- Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. – Тверь : ТверГУ, 2011. – 240 с.
- Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.01.2022).
- Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А.* Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР СЛЯ. – 1988. – Т. 47, № 5. – С. 431–443.
- Селиверстова О.Н.* Труды по семантике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
- СРЯ1 = Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 696 с.
- СРЯ2 = Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 789 с.
- Стернин И.А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.
- Стернин И.А.* Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3(45). – С. 110–125.
- Сулейманова О.А., Фомина М.А.* Верификационный потенциал семантического эксперимента // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2017. – № 2(34). – С. 15–28.
- ТСРЯ = Толковый словарь русского языка : 100 000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и образование, 2015. – 1375 с.
- ТССРЯ = Толковый словарь современного русского языка : [св. 110 000 слов. ст.] / Д.Н. Ушаков ; под ред. Н.Ф. Татьянченко. – Москва : Альта-Пресс, 2005. – 1207 с.

References

- Zalewskaya, A.A. (2011). *The meaning of a word through the prism of an experiment*. Tver: TverGU.
- The Russian National Corpus*. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru/new/search>
- Seliverstova, O.N., Souleimanova, O.A. (1988). Experiment in semantics. *News of the USSR Academy of Sciences*, 47(5), 431–443.
- Seliverstova, O.N. (2004). *Works on semantics*. Moscow: Languages of Slavic culture.
- Evgeneva, A.P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language. Vol. 1*. Moscow : Russ. Lang., Poligraphresource.
- Evgeneva, A.P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language. Vol. 2*. Moscow : Russ. Lang., Poligraphresource.
- Sternin, I.A. (2004). Cognitive interpretation in cognitive linguistics. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 65–69.
- Sternin, I.A. (2020). Interpretation problems of associative experiments. *Issues of psycholinguistics*, 3(45), 110–125. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125
- Souleimanova, O.A., Fomina, M.A. (2017). The potential of the semantic experiment for testing hypotheses. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2(34), 15–28.
- Ojegov, S.I., Skvortzov, L.I. (Eds.). (2015). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: World and education.
- Ushakov, D.N., Tatiachenko, N.F. (Eds.). (2005). *Explanatory dictionary of modern Russian language*. Moscow: Alta-Press.

Нгуен Тхи Минь Нгует

Концепт ЛИЦО во вьетнамской культуре*

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, minhnguyetbel@yandex.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вьетнамского концепта ЛИЦО. Путем семантического и синтаксического описания раскрывается его двойственная структура: данный концепт выражается во вьетнамском языке двумя понятиями *mặt* и *thể diện*, оба из которых соотносятся с принятым в западной теории вежливости «позитивным лицом». Результаты исследования показывают, что вьетнамский концепт «лицо», имея позитивный характер, не полностью совпадает с «позитивным лицом» в западной литературе. Отличительными особенностями первого являются наличие коллективного фактора и обязательное соблюдение иерархии.

Ключевые слова: лингвопрагматика; «лицо»; «позитивное лицо»; «общее лицо»; вьетнамский язык; коллективистская культура.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати: 16.08.2022

* © Нгуен Тхи Минь Нгует, 2022

Nguyen T.M.N.

The concept of face in Vietnamese culture*

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, minhnguyetbel@yandex.com*

Abstract. The paper looks at the specifics of the Vietnamese concept of «face». The dual structure of the concept is revealed through semantic and syntactic description: face is reflected in two Vietnamese notions «mặt» and «thể diện», both of which correlate with the positive face recognized in Western «politeness theory». The author proves that the Vietnamese concept of face does not fully coincide with «positive face». The findings show that the Vietnamese concept of «face», while essentially positive, does not fully coincide with the «positive face» found in Western literature. The former is distinguished by its collective dimension and respect for hierarchy.

Keywords: language pragmatics; «face»; «positive face»; «mutual face»; Vietnamese language; collectivist culture.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

На основе предложенного И. Гоффманом концепта «лицо» П. Браун и С. Левинсон выдвинули теорию вежливости, в которой «лицо» разделено на позитивное, отражающее стремление индивида к получению одобрения и позитивной оценки со стороны собеседника, и негативное, связанное с нежеланием индивида ограничивать свою свободу действий под воздействием собеседника [Картина мира ..., 2020]. Другими словами, в этой модели основными движущими силами вежливости служат стремление к всеобщему одобрению или к свободе действий [Pham, 2007].

Состоятельность положений, выдвинутых П. Браун и С. Левинсоном, подтверждена результатами многочисленных исследований вежливости, проведенных на материале западных лингвокультур. Однако многие лингвисты в своих обзорах теории вежливости П. Браун и С. Левинсона указывают на ее несовместимость с вос-

* © Nguyen Thi Minh Nguyet, 2022

точными культурами [Мао, 1994; Matsumoto, 1988]. Поразительным сходством таких обзоров является критика игнорирования социального аспекта лица и чрезмерного подчеркивания стремления индивида к автономии западными авторами [Pham, 2007]. Например, китайцы как представители коллективистского общества стремятся не столько сохранить индивидуальную свободу и беспрепятственно реализовать личные намерения, сколько получить одобрение и поддержку коллектива [Германова, Пэй, 2021]. К вьетнамской коллективистской культуре модель «лица» П. Браун и С. Левинсона также невозможно применить [Nguyen, 2015; Le, 2013]. Придерживаясь последней точки зрения, в настоящей работе мы предпринимаем попытку более углубленного исследования структуры и семантического содержания концепта «лицо» во вьетнамской лингвокультуре.

Иерархическое лицо как компонент лица во вьетнамской лингвокультуре

Концепт «лицо» тесно связан с концептом «вежливость», который во вьетнамской лингвокультуре выражается тремя основными понятиями – *thank*, *lịch* и *lễ*, имеющими конфуцианское происхождение. Первые два понятия означают деликатность и тактичность, в то время как последнее, диктуя «проявление должного уважения к собеседнику (как правило, с более высоким статусом)» [Hoàng, 2003], устанавливает жесткую иерархию [Картина мира ..., 2020] и направлено на обязательную и неоспоримую защиту «иерархического лица» [Vu, 1997]. Именно иерархия и стремление к ее соблюдению разделяет вьетнамский концепт «лицо» на лицо вышестоящего и лицо нижестоящего, причем потеря первого чревата более серьезными последствиями для коммуникации, нежели потеря второго. Обязательным для сохранения лица вышестоящего является выражение почтения к нему нижестоящим, например путем приветствия и инициации коммуникации. В том случае, если это правило не соблюдается и вышестоящему приходится первым приветствовать нижестоящего, лицо вышестоящего считается потерянным, что влечет за собой также потерю лица нижестоящего [Nguyen, 2015]. Нижестоящий, таким образом, в целях сохранения собственного лица должен сохранять лицо вышестоящего, но обратное – не гарантируется.

Интересно, что возраст для вьетнамца является дополнительным «инструментом» получения уважения и может оказать сильное влияние на статусную иерархию в целом. Во вьетнамском языке, например, не существует личного местоимения второго лица «вы», которое просто выражало бы особо вежливое или официальное обращение к собеседнику. При вежливом обращении к собеседнику вьетнамцы употребляют термины родства, отражающие возрастную иерархию, вместо личных местоимений, не имеющих такой семантики. Так, работодатель, который младше своего сотрудника, обращается к нему на *anh / chị / chú / cô* (старший брат / старшая сестра / дядя / тетя) несмотря на то, что сотрудник может занимать более низкий статус по уровню компетентности, профессионализма и т.д. Соблюдение возрастной иерархии компенсирует возможное нарушение статусной иерархии, что способствует сохранению лица всех участников коммуникации.

Во вьетнамском обществе, таким образом, деления лица на «свое» или «чужое» нет, а гармония индивидуальных и коллективных интересов обеспечивается во многом за счет соблюдения иерархии. Иерархия является важным компонентом не только вьетнамского, но и китайского и японского концепта «лицо» [Matsumoto, 1988; Мао, 1994; Vu, 1997]. Это объясняется тем, что на указанные культуры на протяжении долгого времени оказывали и оказывают влияние конфуцианские идеи, одной из которых является обязательное соблюдение иерархии ради сохранения порядка в обществе.

Однако вьетнамская культура формировалась и формируется не только под влиянием идей конфуцианства, но и под влиянием идей буддизма, социализма и др. Так как в современном вьетнамском обществе вежливость строится не вокруг иерархии, а вокруг сохранения лица всех участников коммуникации, важным для вьетнамцев является не столько «иерархическое», сколько «общее лицо», отражающее социальные отношения и ценности [Nguyen, 2015]. Не отменяя правила об обязательном соблюдении иерархии, «общее лицо» предписывает *lễ*, кроме значения *lễ phép* (уважение к вышестоящим по иерархии), еще одно значение – *đúng mực* (уважение к равным и нижестоящим по иерархии) [Vu, 1997; Vũ, 1999]. Во вьетнамской культуре, таким образом, путем проявления деликатности, тактичности и уважения (*thanh, lịch, lễ*) к собеседнику вне зависимости от возможной иерархической разницы сохраняется «общее лицо» всех участников коммуникации.

Двойственный и позитивный характер вьетнамского «общего лица»

Многие восточные лингвисты считают, что термин «лицо» был заимствован западными лингвистами из восточных культур, а именно из китайской. Впервые в западной литературе выражение «потерять лицо» было использовано Дж. Морисом в начале XIX в. в его книге «Китайский коммерческий справочник», опубликованной в 1834 г. [André, 2013]. Концепт «лицо» приобрел популярность на западе только в XX в. параллельно со становлением прагмалингвистики как самостоятельного научного направления. Однако на Востоке концепт «лицо» существует уже давно: он нередко появлялся в древнекитайских текстах вплоть до IV в. до н.э. [Cheng, 1986]. Сначала «лицо» выражалось через понятие *miàn* (面), а позднее в VIII в. приобрело еще один способ выражения – *liǎn* (脸) [Hu, 1944].

Хотя во вьетнамском языке концепт «лицо» также выражается двумя понятиями – *mặt*, которое имеет вьетнамское происхождение, и *thể diện*, которое происходит от китайского слова *tǐmiàn* (体面), между вьетнамским и китайским концептом «лицо» все же есть разница. В отличие от китайских *liǎn* и *miàn*, потеря которых имеет разную степень серьезности, между *mặt* и *thể diện* такого отличия нет [Pham, 2007]. В китайской культуре потеря *miàn* считается не настолько трагичной, как потеря *liǎn*; потеряв *miàn*, человек не обязательно теряет *liǎn* [Германова, Пэй, 2021]. Во вьетнамской же культуре невозможно говорить о большей или меньшей степени серьезности потери *mặt* по сравнению с потерей *thể diện*. Ошибки любой степени серьезности могут привести как к потере *mặt*, так и к потере *thể diện*, будь то маленькая оплошность (например, случайное называние собеседника не по его имени), или серьезное нарушение сложившихся общественных норм (например, нарушение закона).

«Словарь вьетнамского языка», помимо прямого значения *mặt* (передняя часть головы человека или животного), дает ряд его переносных значений [Hoàng, 2003] (см. табл.).

В связанных с человеком значениях, в отличие от слова *mặt*, имеющего в качестве референта материальные объекты (лицо человека или животного; сам человек), *thể diện* таковых не имеет: его единственное значение – «то, что заставляет других уважать при взаимодействии» [Hoàng, 2003]. Хотя компонент *diện* в *thể*

diện происходит от китайского слова *miàn* (面), которое среди прочих имеет значение «лицо» как часть человеческого организма, *thể diện* совпадает с *mặt* лишь в одном значении – «социальный имидж, престиж». Вне этого значения, *mặt* и *thể diện*, естественно, не являются синонимами. Нельзя, например, сказать *rửa thể diện* вместо *rửa mặt* (умыться), или *gặp thể diện* вместо *gặp mặt* (встретиться).

Таблица

Значения слова *mặt*, представленные в «Словаре вьетнамского языка», и их иллюстрация

№	Значение слова <i>mặt</i>	Примеры выражений	Буквальный перевод	Значение выражения
1.	Передняя часть головы человека или животного	<i>rửa mặt</i>	мыть лицо	умыться
		<i>tối tăm mặt mũi</i>	темно в лице и носу	потемнело в глазах, закружилась голова
2.	Выражение лица, показывающее отношение, эмоции, чувства	<i>tay bắt mặt mừng</i>	жать руки с радостным лицом	радоваться встрече
3.	Лицо как человек, индивид	<i>thay mặt</i>	вместо лица	от имени
		<i>chạm mặt</i>	столкнуться лицом	неожиданно встретиться
4.	Лицо перед другими, престиж, честь и достоинство	<i>muối mặt</i>	сыпать соль на лицо	потерять имидж, социальный статус перед другими
		<i>không còn mặt mũi</i>	не осталось ни лица, ни носа	полностью потерять престиж, честь
5.	Сторона, аспект рассматриваемого объекта	<i>quán xuyên mọi mặt</i>	позаботиться о всех сторонах (лицах)	справляться со всем
		<i>về mặt (gì)</i>	со стороны (лица) (чего)	с точки зрения (чего)
6.	Плоская поверхность сверху или снаружи какого-либо предмета (в отличие от нижней и внутренней частей)	<i>mặt bàn</i>	(лицо) стола	поверхность стола
		<i>nhà mặt đường</i>	дом у (лица) улицы	дом, который стоит передней частью к улице

Однако даже в общем значении «лицо перед другими» *mặt* и *thể diện* не всегда взаимозаменяемы. Хотя и *thể diện*, и *mặt* могут ассоциироваться как с лицом индивида, так и с лицом коллектива, употребление *thể diện* более предпочтительно, когда подчеркивается важность сохранения лица (например, каждый гражданин обязан сохранять, скорее всего *thể diện quốc gia* (лицо страны), а не ее *mặt*) или когда делается акцент на серьезности последствий в случае потери лица (например, слишком дешевый подарок может привести к потере как *thể diện*, так и *mặt*, но запинки в речи при общении с другими людьми могут привести только к потере *mặt*, а не *thể diện*) [Pham, 2007].

Во вьетнамском языке, по сравнению с *mặt*, *thể diện* встречается в гораздо меньшем количестве словосочетаний [Pham, 2014]. Например, в то время, как в значении потери лица *thể diện* встречается только в *mất thể diện* (букв. потерять лицо), *mặt* употребляется в таких выражениях, как *xấu mặt* (букв. иметь некрасивое лицо), *ngượng mặt* (букв. стыдиться лицом), *rát mặt* (букв. ощущать жжение на лице), *muối mặt* (букв. сыпать соль на лицо), *swong mặt* (букв. смущаться лицом), *chín mặt* (букв. стыдиться до покраснения лица) и др.

Более того, в некоторых выражениях *mặt* может означать не позитивные качества, а наоборот, негативные. В таких случаях *thể diện* также не может заменять *mặt*. Например, *lật mặt* (букв. перевернуть лицо) подразумевает изначальное наличие двух сторон *mặt* – одна сторона соответствует принятым в обществе нормам или просто устраивает собеседника, а другая – нет. Когда вьетнамец говорит, что другой *lật mặt*, речь идет об обвинении в изначально плохих намерениях и притворстве, вылившихся в измену или предательство. Интересно также выражение *lên mặt* (букв. поднимать лицо), которое указывает на неуместную демонстрацию человеком своих качеств и способностей. В то время как человек, выставяющий напоказ свои достоинства, полностью уверен в своем *mặt* (социальном имидже, престиже), в глазах окружающих его качества и способности не являются поводом для гордости, что не дополняет достоинства его лицу и вызывает у них недоумение.

Очевидно, вьетнамский концепт «лицо» не столько указывает на стремление человека сохранить свою автономию и свободу суждений, сколько на его желание получить одобрение и положительную оценку со стороны окружающих. Такое лицо имеет позитивную природу; его существование невозможно без коллектива, его одобрения или негативной оценки. Вьетнамец может потерять лицо только перед другими, но никак не перед самим собой [Pham, 2007].

Поскольку оба понятия *thể diện* и *mặt* указывают как на лицо индивида, так и на лицо коллектива, можно сделать вывод о том, что «лицо» во вьетнамской культуре разделено между индивидом и коллективом, т.е. является их общим достоянием. Вследствие потери лица одного из членов коллектива может быть потеряно лицо коллектива, т.е. лицо всех остальных его членов. Иначе говоря, лицо каждого члена коллектива зависит не только от созданного им позитивного лица, но и от общего лица коллектива, созданного всеми его членами. Именно коллективный фактор не был учтен П. Браун и С. Левинсоном в их теории вежливости. Таким образом, вьетнамское «лицо» так же, как и китайское и японское, хотя и имеет позитивный характер, не полностью совпадает с «позитивным лицом» П. Браун и С. Левинсона [Matsumoto, 1988; Mao, 1994]. Западное индивидуалистское «позитивное лицо» может соотноситься с одобрением конкретного партнера по коммуникации, а не обязательно с поддержкой всего общества; напротив, восточное коллективистское «общее лицо» формируется одобрением целого коллектива, а не отдельного индивида [Германова, Пэй, 2021].

Кроме того, многие исследователи утверждают, что понятие «негативное лицо» неприменимо к вьетнамской лингвопрагматике [Vu, 1997]. Например, будучи адресатом речевых актов «приглашение» и «предложение», вьетнамцы так же, как и китайцы, не ощущают навязывания и принуждения к действию, т.е. не чувствуют угрозы своему лицу [Vu, 1997; Gu, 1990], а наоборот, ценят то, что приглашающий, настойчиво показывая свое желание сблизиться, демонстрирует свое уважение к ним. Выражая уважение к гостю и поддерживая его позитивное лицо, хозяева, следуя вьетнамскому этикету, вправе совершать речевые акты, потенциально угрожающие свободе выбора гостя. У вьетнамцев так же, как и у китайцев [Германова, Пэй, 2021], личные границы являются гибкими, а их нарушение не всегда означает угрозу лицу собеседника.

Это, однако, не означает, что вьетнамцы совсем не принимают во внимание автономию индивида. Напротив, именно из уважения к свободе действия других, вьетнамцы зачастую употребляют косвенные способы выражения речевых актов (таких как просьба, несогласие и др.), которые могут представлять угрозу лицу адресата [Vũ, 1999]. Это подтверждает положение о том, что во вьетнамской культуре так же, как и в других азиатских культурах, основанных на конфуцианстве, забота об автономии собеседника имеет место, но не относится к проблемам лица [Pham, 2014].

Заключение

В настоящем исследовании нам удалось выделить ряд отличительных черт вьетнамского концепта «лицо» от западного. Главная особенность заключается в отсутствии «негативного лица»: хотя «лицо» во вьетнамской культуре так же, как и в западной, имеет двойственную модель, обе его формы (*mặt* и *thể diện*), отражая желание иметь престиж, хорошую репутацию и безупречный имидж в глазах общества, имеют позитивный характер. При этом вьетнамское «лицо» не полностью совпадает с «позитивным лицом» в западной теории вежливости: оно отличается общим, коллективным характером. Лицо вьетнамца зависит не только от его собственного позитивного лица, но и от лица коллектива, к которому он относится. Помимо того, неотъемлемым компонентом вьетнамского концепта «лицо» является диктат о соблюдении иерархии, что является общей чертой восточных культур, долгое время находившихся под влиянием конфуцианства.

Список литературы

- Германова Н.Н., Пэй С. Концепт ЛИЦО в коллективистской культуре Китая // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 1(44). – С. 299–305.
- Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / Пищальникова В., Дубкова О., Цун Ф., Яо Ч. – Москва : Р. Валент, 2020. – 240 с.
- André J. How the Chinese lose «face» // Journal of Pragmatics. – 2013. – Vol. 55. – P. 68–85.
- Cheng C.Y. The concept of face and its Confucian roots // Journal of Chinese Philosophy. – 1986. – Vol. 13. – P. 329–348.
- Gu Y. Politeness phenomena in modern Chinese // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14(2). – P. 237–257.
- Hoàng P. Từ điển tiếng Việt. – Hà Nội-Đà Nẵng : NXB Đà Nẵng, 2003. – 1222 p.
- Hu H.C. The Chinese concept of face // American Anthropologist. – 1944. – Vol. 46. – P. 45–64.
- Le P.T. Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context: PhD thesis. – Canberra, 2013. – 231 p. – URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/10093/1/Le_VariationLinguistic2013.pdf
- Mao R. Beyond politeness theory: «Face» revisited and renewed // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 21(5). – P. 451–486.
- Matsumoto Y. Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. – 1988. – Vol. 12. – P. 403–426.
- Nguyen T.K. The «sacred face»: What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life // Journal of Social Sciences and Humanities. – 2015. – Vol. 1(3). – P. 246–259.

- Pham T.H.N. How do the Vietnamese lose face? Understanding the concept of face through self-reported, face loss incidents // *International Journal of Language and Linguistics*. – 2014. – Vol. 2(3). – P. 223–231.
- Pham T.H.N. Khám phá Khái niệm Thể diện trong Tiếng Việt: Bằng chứng từ Kết hợp từ // *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. – 2007. – Tập 4(2). – P. 257–266.
- Vũ T.T.H. Gián tiếp và lịch sự trong lời cầu khiến tiếng Việt // *Tạp chí Ngôn ngữ*. – 1999. – Tập 1. – P. 34–43.
- Vu T.T.H. Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community : PhD thesis. – Toronto, 1997. – 357 p.

References

- Germanova, N.N., Pei Xianglin (2021). The concept of face in the Chinese collective cultura. *Cognitive Studies of Language*, 1(44), 299–305.
- Pishchalnikova, V.A., Dubkova, O.V., Cun, Fenlin, Yao, Chzhipen. (2020). Kartina mira kitajtsev: teoriya I praktika nauchnogo issledovaniya. Moscow: R. Valent.
- André, J. (2013). How the Chinese lose «face». *Journal of Pragmatics*, 55, 68–85.
- Cheng, C.Y. (1986). The concept of face and its Confucian roots. *Journal of Chinese Philosophy*, 13, 329–348.
- Gu, Y. (1990). Politeness phenomena in modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, 14(2), 237–257.
- Hoàng, P. (2003). *Từ điển tiếng Việt*. Hà Nội-Đà Nẵng: NXB Đà Nẵng.
- Hu, H.C. (1944). The Chinese concept of face. *American Anthropologist*, 46, 45–64.
- Le, P.T. (2013). *Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context*. (Unpublished doctoral thesis). Canberra. Retrieved from: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/10093/1/Le_VariationLinguistic2013.pdf
- Mao, R. (1994). Beyond politeness theory: «Face» revisited and renewed. *Journal of Pragmatics*, 21(5), 451–486.
- Matsumoto, Y. (1988). Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*, 12, 403–426.
- Nguyen, T.K. (2015). The «sacred face»: What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life. *Journal of Social Sciences and Humanities*, 1(3), 246–259.
- Pham, T.H.N. (2014). How do the Vietnamese lose face? Understanding the concept of face through self-reported, face loss incidents. *International Journal of Language and Linguistics*, 2(3), 223–231.
- Pham, T.H.N. (2007). Khám phá Khái niệm Thể diện trong Tiếng Việt: Bằng chứng từ Kết hợp từ. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, 4(2), 257–266.
- Vũ, T.T.H. (1999). Gián tiếp và lịch sự trong lời cầu khiến tiếng Việt. *Tạp chí Ngôn ngữ*, 1, 34–43.
- Vu, T.T.H. (1997). *Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community*. (Unpublished doctoral thesis). Toronto.

Кружилина Т.В.

**Метаязыковая способность:
прививка от функциональной неграмотности***

*Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ),
Россия, Курск, t.kruzhilina@yandex.ru*

Аннотация. Статья привлекает внимание к проблеме функциональной неграмотности. Рассматривается роль метакогнитивной и метаязыковой деятельности в процессе формирования языковой способности в онтогенезе, в частности, способности понимания текста ребенком дошкольного возраста. Устанавливается связь между социальными факторами, в которых формируется речевая способность дошкольника, метаязыковой способностью и последующим уровнем его функциональной грамотности. Решаются задачи изучения экстралингвистических факторов в широком контексте, к которым автор относит факторы социального окружения ребенка – участника эксперимента. Исследование деятельности понимания устного сообщения осуществляется с помощью отработанной методики, апробированной Е.Г. Биевой в 1980-х годах прошлого столетия. Сопоставительный анализ двух экспериментов с разницей в 30 лет проводится с учетом психолого-социального мониторинга среды и условий проживания испытуемых детей в семье. Делается вывод о том, что способность понимания текста формируется в контексте налаженной предметно-практической деятельности ребенка и его общения со взрослыми. Обращается внимание на ухудшение речевого здоровья детей и общее снижение уровня понимания в дошкольном детстве, что в контексте проблемы функциональной неграмотности и стремительного развития поликодовой коммуникации представляет собой острую и актуальную тему, требующую дальнейших серьезных междисциплинарных исследований.

* © Кружилина Т.В., 2022

Ключевые слова: речевая способность; онтогенез; метакогнитивная деятельность; метаязык; функциональная неграмотность.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати: 16.08.2022

Kruzhilina T.V.
Metalinguage ability:
vaccination against functional illiteracy*

*Southwest State University (SWSU),
Russia, Kursk, t.kruzhilina@yandex.ru*

Abstract. The paper draws attention to the problem of functional illiteracy. The study considers the role of metacognitive and metalinguage activity in the process of formation of language ability in ontogenesis, in particular, a preschooler's ability to understand text. A connection is established between social factors in which the speech ability of a preschooler is shaped, the metalinguage ability and the resulting level of functional literacy. The analysis of extralinguistic environment is conducted, the last being viewed as social factors affecting the child involved in the experiment. The study of the active understanding of a language message given in spoken words is based on the methodology tested by E.G. Bieva in the 1980-s. It is concluded that the ability to understand a text message is being developed in the context of a well-organized subject-based practical activity of a child and their communication with adults. Attention is drawn to the deterioration of children's speech health and general decrease in the level of speech / text understanding when a preschooler. It is considered to be a topic for further research viewed in the context of functional illiteracy and rapid development of polycode communication.

Keywords: speech ability; ontogenesis; metacognitive activity; metalinguage; functional illiteracy.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

* © Kruzhilina T.V., 2022

Введение

В настоящее время проблеме функциональной неграмотности (далее – ФНг) посвящено много исследований в силу целого ряда причин. Прежде всего, это невозможность для правящего и академического сообществ игнорировать резко понижающийся уровень компетентности социума в вопросах профессиональной деятельности, бытовой приспособленности, эффективного и качественного функционирования во всех социальных нишах на разных этапах онтогенеза [Чудинова, 1994; Bholá, 1995]. Серьезность проблемы определяется тяжестью вызываемых этим последствий, когда снижение общего уровня функциональности индивида влечет за собой огромные экономические потери в государственном масштабе. Катастрофичность ситуации, кроме прочего, характеризуется долей вовлеченных участников по отношению к общей численности населения. По оценкам компетентных источников в разных странах, уровень функциональной неграмотности населения составляет от 25 до 40% [Bholá, 1995]. Статистика неутешительна, особенно если принять во внимание тот факт, что «человеческий фактор» как фактор риска возникновения чрезвычайных ситуаций на производстве, аварий и крушений в большинстве случаев предполагает наличие функционально неграмотного участника процесса.

Следующей причиной интереса к проблеме ФНг можно назвать широкую географию ее распространения. ФНг поразила индустриально развитые страны, где уровень грамотности населения изначально был высоким. Информатизация общества, развитие инновационных технологий и «усложнение ткани социальной жизни» предполагало развитие конкурентоспособности этих государств на мировом рынке [Чудинова, 1994]. В реальности возникло абсолютно непредвиденное несоответствие между фактором технологическим и фактором человеческим. Развитие технологий должно поддерживаться адекватным развитием пользователя этих технологий. В глобальном масштабе цифровой революции не был учтен (или, наоборот, был) следующий аспект: эволюция предполагает борьбу за выживание, что в контексте филогенеза есть развитие в условиях непрерывного преодоления трудностей [Мягкова, 2016]. Когнитивные способности человека формируются в ответ на затраченные мозгом усилия, где количество проделанной работы определяет качество когнитивной функции. В ситуации доступности информации и отсутствия необходимости ее постоянной качественной пере-

работки эта информация для современного человека не является фактором развития и выживания [Пищальникова, 2021 а]. Нейрофизиологами подтвержден факт, что у человеческого мозга два основных функциональных состояния, которые упрощенно можно охарактеризовать следующим образом: мозг либо развивается, либо деградирует [Черниговская, 2021].

Упомянутые нами исследования проблемы ФНг анализируют разные стороны вопроса: состояние проблемы, вопросы номинации и терминологии, узкий и широкий подход к вопросу, системы международного тестирования и оценки разных видов грамотности, причины возникновения и прогрессирования ФНг, варианты развития, реагирования и коррекции. В контексте этой работы нас интересует связь ФНг и формирования метаязыковой способности в онтогенезе.

Социальное и психическое в онтогенезе

Согласно современным исследованиям, причины ФНг следует искать в дошкольном детстве, в периоде наиболее активного развития высших психических функций ребенка, к которым относятся интересующие нас мышление и речь [Мягкова, 2016; Кружилина, 2012]. То, как ребенок проводит свое детство, какими видами деятельности наполнены часы его бодрствования, каков объем активной деятельности по освоению окружающего предметного мира по сравнению с пассивной созерцательной деятельностью в процессе просмотра телевизора и «общения» с гаджетами, является определяющим фактором для формирования либо ФГ, либо ФНг. Согласно Л.С. Выготскому, чтобы объяснить сложные формы сознательной жизни индивида, требуется выйти за пределы живого организма и искать движущие силы деятельности и категориального поведения отнюдь не в глубинах духа и мозга, а во внешних условиях среды, в условиях общественной жизни и во всех социально-исторических формах бытия человека [Выготский, 1960].

Как отмечает В.П. Чудинова, ФНг – феномен сложный и многогранный, она «в чем-то сходна с айсбергом: видимая, но меньшая часть – снаружи, бóльшая, но скрытая – внутри» [Чудинова, 1994, с. 99]. Другими словами, к развитию этой болезни ведет целый комплекс нарушений когнитивного развития ребенка, обусловленный некорректными видами ведущей деятельности в дошкольном детстве и недостаточным объемом глубокого осмыс-

ленного чтения в школьный период (что, в свою очередь, объясняет нарушения в развитии метаязыковой способности) [Мягкова, Репринцева, 2012; Мягкова, 2018]. Причем эти два аспекта взаимосвязаны и взаимообусловлены. Невозможно развить навык глубокого осмысленного чтения, если механизмы понимания текста не были сформированы в дошкольном детстве, когда ребенок проходит сложный путь от знакомства с единичными предметами окружающего мира, осваивая способность присвоения предметного значения, до виртуозного владения способностью категоризации и обобщения, открывающей «дверь» из мира наглядно-чувственного в мир отвлеченно-рациональный.

Способность ребенка выходить за пределы непосредственного опыта и есть, согласно концепциям отечественной психологической школы и А.Р. Лурии, фундаментальная особенность человеческого сознания [Лурия, 1979]. Согласно этой теории, основой мыслительного акта являются процессы анализа и обобщения, зависящие от смыслового наполнения слова, которое есть основа понятия, формируемого в раннем периоде дошкольного детства. Анализ периодизации развития понятий, проведенный Ж. Пиаже, проливает свет на сложность смыслового строения слова, на многоступенчатый процесс формирования понятий и на «многообразие смысловых матриц, стоящих за словом на отдельных этапах развития ребенка» [Лурия, 1979, с. 311]. «...эти наглядные матрицы, отражающие ситуационный характер мышления, постепенно сменяются матрицами-отвлечениями, включающими в свой состав целую иерархию отношений общности, составляющих основной аппарат категориального мышления», – резюмирует Александр Романович [там же].

Учитывая сказанное выше, мы сознательно акцентируем внимание на важности, сложности, многоэтапности и длительности процесса присвоения предметного значения слову в ходе раннего развития ребенка. Переход от наглядно-чувственного к отвлеченно-рациональному происходит благодаря изначальной вплетенности слова в ситуацию, мимику, жесты, интонационные характеристики и последующее соотнесение его с практическим действием, когда значение слова еще расширенно и диффузно и часто привязано к конкретному признаку предмета. Значение эмансипирует и может терять свою предметную отнесенность благодаря фокусу на новые признаки. В ходе онтогенеза слово приобретает более четкую предметную отнесенность, никогда не прекращая эволюционировать. Важность данного процесса в контексте развития метаязыковой способности человека будет обоснована чуть позже.

В более ранних публикациях нами был сделан ряд выводов относительно взаимосвязи формирования речевой способности в онтогенезе и экстралингвистических факторов, или факторов социального окружения ребенка [Кружилина, 2014]. Экспериментальным путем были выявлены некоторые ключевые аспекты, влияющие на формирование способности понимания текста ребенком и опосредующие становление метакогнитивной и метаязыковой деятельности в онтогенезе, наиболее важные среди которых – роль доминирующей деятельности и объем общения с гаджетами. Пассивное созерцание стало в большинстве своем ведущей деятельностью, заменив предметную игровую и коммуникативную деятельность. О результатах этой подмены можно прочесть в многочисленных современных исследованиях [Мягкова, 2016; Пищальникова, 2021 а, 2021 б].

Так, В.А. Пищальникова отмечает, что в современных условиях развитие всех психических процессов у детей претерпевает как качественные, так и количественные изменения. Происходят необратимые деформации в механизмах внимания, порождая синдром гиперактивности с дефицитом внимания, бич современного молодого поколения [Пищальникова, 2021 а]. Интенсивная цифровая стимуляция в течение нескольких часов с максимальной фокусировкой на том, что интересно (а в компьютерной и ТВ среде, как правило, очень интересно и комфортно) вызывает обратный процесс рассредоточения внимания во всех остальных сферах, часто имеющих непосредственную важность для эффективного функционирования и развития индивида, таких как образование, деятельность, сопряженная с саморегуляцией, самоконтролем и самодисциплиной. Структуры, отвечающие за волевые качества, также оказываются вовлеченными в этот деструктивный процесс. Изменяются мышление и память. Так, автором упоминается феномен транзактивной памяти, характеризующийся изменением механизмов памяти – она начинает функционировать по-другому: запоминается не содержание информации, а способ нахождения этой информации. Запоминание происходит по принципу каталогизации. При этом доступ к информации воспринимается как понимание оной. Это ведет к искажению способности продуктивного запоминания и к ущербу применения информации в необходимых ситуациях. «... возникает иллюзия владения информацией, а в реальных жизненных условиях проявляется неспособность людей использовать не осмысленные, не присвоенные, хотя и доступные знания», – резюмирует Вера Анатольевна [там же, с. 38].

Метакогнитивное и метаязыковое в онтогенезе

Процессы запоминания и извлечения из памяти информации неразрывно связаны с процессами обработки извлеченных данных и использовании их в мыслительных операциях и метакогнитивной деятельности, где метакогниция следует понимать как комплекс представлений индивида о своей способности мыслить. В научных источниках метакогниция рассматривается как комплексный феномен, состоящий из умения познавать и умения управлять познанием [Золотова, Захарова, 2015; Холодная, 2002]. В этом смысле метакогниция может рассматриваться как одна из существенных структур, определяющих функционирование когнитивной системы. Исследования в этой области доказывают, что уже по достижении трехлетнего возраста у детей наблюдаются формы метакогнитивного мышления, которые развиваются по мере развития когнитивных способностей и речи [Воробьева, 2020]. Индивидуальные сценарии развития, безусловно, различаются, но первые явные достижения фиксируются к шестилетнему возрасту. В процессе обучения при когнитивных функциях в норме метакогниция успешно развивается и определяет продуктивность многих видов деятельности, и наоборот. Как отмечает Е.Ю. Мягкова, трудности с чтением часто вызваны не собственно когнитивными дефектами, а неспособностью ребенка адекватно оценить и использовать свои ресурсы, другими словами, метакогницией [Мягкова, 2018].

Процессы мышления неотделимы от процессов речепорождения и понимания. Сфера интереса психолингвистики располагается именно на стыке изучения мышления как рефлексии языковых и неязыковых явлений и средств вербального описания данного процесса. Метаязыковая деятельность является важной показательной характеристикой продуктивности когнитивных процессов и рассматривается как необходимое условие пользования языком. Метаязык, применяемый в речемыслительной деятельности, есть механизм становления и функционирования «живого» человеческого языка [Жинкин, 1982]. Именно поэтому так велика его роль в процессе становления языковой способности в онтогенезе, когда анализ явлений языка и речи носит творческий характер и является драйвером развития всех психических функций ребенка.

В научных источниках существуют разные подходы к толкованию понятия «метаязык»: любой естественный или искусственный язык (язык «второго уровня»), на котором описывается другой

язык (язык «первого уровня»); язык науки, выполняющий функцию описания естественного языка; язык, который скрывает истинный смысл выражаемого обычным языком и пр. Часто термин метаязыковая деятельность заменяется понятием языковая рефлексия. Совершенно очевидно, что в силу скрытости от непосредственного наблюдения и сложности определения уровня осознаваемости для исследователя, деятельность носителя языка по когнитивному анализу языковых явлений, метаязыковая деятельность, может трактоваться в широком и узком ключе исходя из цели исследования. Мы считаем вполне целесообразным разграничивать понятия «языковая рефлексия» и «метаязыковая деятельность», когда речь идет о дошкольном периоде, и рассматриваем последнее как явление более емкое и широкое, включающее в себя языковую рефлексивную и всевозможные проявления детских рассуждений о языке, часто не выраженные эксплицитно. Языковая рефлексия в этой трактовке предполагает детские рассуждения «более высокого уровня», выраженные эксплицитно. «... языковая рефлексия – размышления о языке языковой личности, воплощенные в дискурсе, склонность анализировать свое языковое поведение, а также языковое поведение других людей» [Воробьева, 2020, с. 66].

Практическое исследование

В нашем экспериментальном исследовании способности понимания текста детьми дошкольного возраста было проведено наблюдение метакогнитивной и метаязыковой способности, которые связаны неразрывно [Кружилина, 2014]. Считаем уместным кратко охарактеризовать проведенный нами эксперимент.

Выбрав в качестве отправной точки экспериментальное исследование 1983 г. и его результаты, мы повторили эксперимент на понимание текста детьми дошкольного возраста, параллельно проведя психологический мониторинг условий, в которых формируется способность понимания. Для соблюдения чистоты эксперимента при формировании экспериментальной группы был изучен медико-генеалогический анамнез детей, посещающих детский сад, с целью отсеять случаи грубой речевой патологии у детей и их родителей. На следующем этапе при помощи метода анкетирования были изучены условия проживания в семье. Учитывались социальные условия, количество детей и взрослых в семье, ведущие виды деятельности ребенка, особенности игровой и коммуника-

тивной деятельности, семейное чтение либо его отсутствие, количество времени, проводимое у телевизора. Социальный «анамнез» был необходим в психолингвистическом исследовании, так как при сравнении результатов экспериментов, проведенных с разницей в 20 лет, необходимо было учесть изменение социальных условий детей экспериментальной группы. Самым критичным фактором, изменившимся за указанный период, стала информатизация и цифровизация общества, затронувшая все социальные ниши и этапы онтогенетического развития ребенка.

Эксперимент на понимание текста проводился в детском саду индивидуально с каждым ребенком. За одну сессию испытуемому предъявлялось от одного до двух текстов. До чтения текста дети рассматривали красочный наглядный материал с изображениями предметов, имеющих отношение к тексту. Далее дважды прослушивался текст, и ребенку предлагалось воссоздать его содержание с помощью картинок. Получаемый материал фиксировался на диктофон и протоколировался. Образцы протоколов есть в работе (см.: [Кружилина, 2014]).

Нами были использованы тексты из эксперимента 1983 г. Сюжетные линии текстов были взяты из произведений детской художественной литературы, они отличались предметностью, т.е. их содержание можно было легко восстановить с помощью денотатной структуры. Тексты содержали семь-восемь высказываний с количеством денотатов от шести до 12, а межденотатных связей – не больше девяти, по характеру отношений между денотатами тексты были двух типов: статичные, описательные и динамичные, повествовательные.

Как уже было нами отмечено, детям для облегчения воспроизведения содержательной структуры текста был предложен наглядный материал, картинки с нарисованными героями из текстов и предметами, о которых упоминалось в текстах. Были также и изображения, не соответствующие содержанию текста, но ситуативно близкие к нему. Идея включения таких картинок состояла в том, чтобы проверить правильность идентификации денотатов из экспериментальных текстов.

В описываемом исследовании в качестве рабочего был использован уже упомянутый нами метод денотатного анализа текста А.И. Новикова, базирующийся на его теории смыслового содержания текста, согласно которой текст есть единство внешней формы, представленной языковыми единицами, и внутреннего содержания, отражающего предметную действительность [Новиков, 2007]. Содержание текста как когнитивное образование в

сознании индивида не коррелирует с каждым непосредственным элементом на внешнем уровне, но соотносится со всем набором языковых средств в тексте, представляя собой динамическую модель экстралингвистического содержания – отражение предметной ситуации. Логика предметных отношений в каждой конкретной ситуации и есть объект интереса исследователя, она предполагает выделение структурных единиц содержания – денотатов, представляющих собой единицу в языковом выражении, под которой подразумевается образ отрезка действительности, соответствующий определенной части текста. Восприятие текста, так же как и его порождение, предполагает корреляцию языкового, когнитивного, речевого и коммуникативного компонентов действительности. Психолингвистические закономерности перехода к внутреннему предметному содержанию текста определяются механизмом смысла, который и есть средство этого перехода, «путь», пролегающий от языковых единиц, подлежащих декодированию к денотатам и связям между ними. Понимание в этой концепции трактуется как встречное порождение, так как продуктом этого процесса является вторичный текст, отличающийся от текста, задуманного автором в силу субъективности понимания.

Исходя из этого, для исследования деятельности понимания необходимо сопоставить два варианта текста, авторский и вторичный, возникший у реципиента. С этой целью автором методики (А.И. Новиковым) был разработан способ сравнения содержательных структур путем сопоставления денотатных графов обоих текстов. Подробные примеры построения графов денотатных структур ко всем экспериментальным текстам представлены в работе: [Кружилина, 2014]. Здесь приведем пример экспериментального текста и комментарии о его понимании детьми.

Текст 1. Буратино сидит на большом листе водяной лилии. Над его головой светит месяц. На листе перед Буратино лежат два жучка. Слева от Буратино растет камыш. А справа на маленьких листочках сидят две лягушки. Между лягушками из воды высовывается черепаха. В лапах она держит золотой ключик.

В тексте 1 можно выделить девять денотатов и девять межденотатных связей. Текст передает ситуацию, заимствованную из сказки «Золотой ключик, или приключения Буратино». На этапе знакомства с группой было обнаружено, что большая часть детей младшей группы не знает героя по имени Буратино. Автор познакомила детей со сказкой: ее сюжетом и героями. Как результат,

денотат Буратино был идентифицирован всеми детьми безошибочно. Также верно были опознаны денотаты «черепашка», «двужучка», «лягушки», являющиеся одушевленными предметами. Микротемы «камыш» и «водяная лилия» практически не были идентифицированы. Денотат «золотой ключик» с легкостью идентифицировали дети, хорошо знакомые с одноименной сказкой, при этом установление пространственных отношений вызвало значительные трудности. Вместе с тем предварительное ознакомление детей со сказкой возымело и свои отрицательные последствия. Несколько детей (пять), опираясь на свой предыдущий опыт, идентифицировали денотаты, отсутствующие в тексте («Мальвина», «Артемон», «Карабас-Барабас»), вероятно, желая показать, что эти герои имеют непосредственное отношение к Буратино. Данный пример наглядно показывает, что предшествующий опыт ребенка играет ключевую роль в формировании образов при восприятии текстового сообщения в этом возрасте.

Сравнительный анализ деятельности понимания целого текста и отдельных высказываний проводился как с помощью наглядных средств, так и с помощью пересказа текстов и наводящих вопросов по содержанию высказываний. Было проанализировано 94 случая понимания содержания высказываний детьми младшей группы. 81% высказываний, взятых из экспериментальных текстов, были корректно поняты. Ошибки были немногочисленны и имели своей причиной незнание детьми значений отдельных слов, а также трудности с установлением пространственных отношений, выражаемых наречиями «слева», «справа», предлогами «перед», «между».

Что же касается трудностей, возникающих при понимании целого текста, то они обусловлены не незнанием отдельных слов или грамматических конструкций, а неспособностью включить смысл каждого предложения-высказывания в единый общий смысл текста, т.е. сигнализируют о проблемах метакогнитивной и метаязыковой деятельности. Таким образом, целостный образ содержания услышанного текста не возникает у ребенка из-за недостаточной сформированности механизма слияния (агглютинации) смыслов, отвечающего за возникновение общего смысла текста.

По результатам анализа экспериментальных данных было установлено снижение способности понимания у современных детей (эксперимент 2013 г.) по сравнению с испытуемыми 1983 г. (см. табл. 1–2). Так, в младшей группе ситуация с установлением денотатов ухудшилась на 33,1% (минусом в таблице обозначено снижение показателя, констатирующее ухудшение ситуации).

Таблица 1

Данные по средним показателям экспериментов 1983 и 2013 гг.

Возрастная группа	Средний показатель идентифицированных элементов содержания (в %)			
	денотатов		межденотатных отношений	
	1983 г.	2013 г.	1983 г.	2013 г.
Младшая	25,4	17,6	7	3,4
Средняя	61,3	47,9	39,2	24,4
Старшая	85,5	78,2	65	51,3
Подготовительная	94,8	89,6	81	73,4

Таблица 2

**Изменение среднего показателя
адекватно идентифицированных элементов содержания
(денотатов и межденотатных отношений)**

Возрастная группа	Изменение среднего показателя адекватно идентифицированных элементов содержания за период с 1983 по 2013 г. (в %)	
	денотатов	межденотатных отношений
	Младшая	-33,1
Средняя	-21,6	-38,1
Старшая	-8,7	-21
Подготовительная	-5,5	-9,5

Ожидаема, на наш взгляд, тенденция к улучшению показателей при увеличении возраста испытуемых. Это объясняется разными факторами. Прежде всего, развитие способности установления элементов содержания текста говорит о сценарии формирования речевой функции в норме, в соответствии с которым способность понимания развивается в дошкольном детстве, согласно возрастным этапам. Кроме этого, следует принять во внимание современные воспитательно-образовательные модели подготовки дошкольника к обучению в школе, предполагающие целенаправленное обучение ребенка чтению и основам грамоты. Как нам кажется, именно этим объясняются высокие рейтинги нашей страны (РФ) на протяжении последних десятилетий при тестировании читательской грамотности обучающихся начальной школы в международной системе

PISA. Уровень подготовки к школе и уровень начального образования в нашей стране всегда был традиционно высоким. Целенаправленное педагогическое воздействие и педагогическая запущенность – два полюса, характеризующие отношение взрослых к развитию ребенка в семье. При сопоставлении результатов социального мониторинга с результатами эксперимента на понимание текста был отмечен интересный аспект: дети, подвергающиеся целенаправленному педагогическому воздействию, показывают лучшие результаты понимания несмотря на то, что они имеют доступ (в свободное от занятий время) к гаджетам и телевидению. Речевая функция педагогически запущенных детей, предоставленных большую часть времени самим себе и гаджетам, развивается по искаженному сценарию.

Снижение общего уровня понимания, согласно результатам эксперимента, позволяет сделать вывод о снижении способности к метакогнитивной и метаязыковой деятельности у детей дошкольного возраста. Обозначенная способность начинает формироваться на ранних этапах речевого онтогенеза, при благоприятных условиях развиваясь в языковую рефлекссию. Этот процесс, к сожалению, развивается не у всех детей. Наш эксперимент показал совершенно разные модели речевого поведения. Задачей испытуемых было прослушать текст и с помощью наглядного материала, красочных картинок, воссоздать его содержание. Дети, испытывающие трудности при установлении денотатов и межденотатных связей в ходе восстановления содержательной структуры текста, решали возникающую проблему разными способами. Перечислим наиболее частые сценарии. Испытуемые напрягались, пытались вспомнить текст; молчали, не зная, что предпринять; замыкались; на наводящие вопросы могли реагировать и отвечать, но могли и не отвечать; теряли интерес к эксперименту и переключали внимание на посторонние предметы; воссоздавали только те отрезки, которые запомнили и поняли. Но были и сценарии «креативного» реагирования: дети подходили к вопросу эвристически, заполняя пробелы в содержании «собственным опытом», наблюдениями и размышлениями; воссоздавали структуру текста успешно и снабжали ее своими комментариями, имеющими отношение как к тексту, так и к собственному опыту, коррелирующему с текстом; дети теряли интерес к тексту и процедуре эксперимента, рассказывая историю из собственной жизни, возникшую ассоциативно на стимул из экспериментального текста либо погружались в игровую

сценарий, придуманный ребенком тут же на основе экспериментального текста (единичные случаи).

К проявлениям метаязыковой деятельности во время проведения эксперимента мы можем отнести исправления себя, словообразовательные инновации, употребление других, отличных от текстовых, грамматических конструкций, использование оборотов речи, описывающих и объясняющих забытое или незнакомое слово. Показателем присутствия языковой рефлексии, на наш взгляд, можно считать различные способы «языкового протеста» – комментирование слов из текста («... кушетка... на ней кушать должны, а не спать, да?»), комментирование ненормативного, с точки зрения ребенка, употребления слов («.. не кушетка, а кровать», «.. не градусник, а термометр», «.. почему с тОртом, когда с тортОм?» и пр.).

Способность к рефлексии над языком является той семиотической универсалией, которая выделяет человеческий язык среди множества языков животного мира. Осуществляемые на базе «рационального» левого полушария, метаязыковые операции становятся доступны на третьем-четвертом году жизни и привычны на пятом-шестом, что и подтвердил наш эксперимент, показавший наиболее яркие и частые случаи проявления метаязыковой деятельности и языковой рефлексии именно в старшей группе испытуемых.

Ключевым фактором внутренней деятельности над языком является контроль собственной речевой активности и работы своего ума. В этом контексте развитие метаязыковой способности ребенка необходимо рассматривать «...в соотношении со степенью его когнитивного развития, в частности, со степенью сформированности уровней протекания метакогнитивных процессов, отвечающих за управление ходом текущей и планируемой интеллектуальной деятельности» [Золотова, Захарова, 2015, с. 45]. Данная деятельность может протекать на сознательном и бессознательном уровнях. В источниках это описывается как произвольный и непроизвольный интеллектуальный контроль, осуществляемый непроизвольно, на субсознательном уровне, и произвольно, на уровне сознательного регулирования собственного интеллектуального поведения [Холодная, 2002]. В процессе непроизвольного контроля происходит координация познавательных процессов. Начиная с трех-четырёх лет, ребенок демонстрирует проявления осознанного различения собственных знаний о ситуации и знаний прочих людей, что, безусловно, отражается в его поведении и речи. В процессе приобретения опыта (опосредованного предметной деятельностью и общением) происходит взаимодействие видов контроля и развитие

метакогнитивной осведомленности и познавательной позиции. На базе метакогнитивной деятельности, параллельно ей, происходит и метаязыковая деятельность, когда «посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний» [Жинкин, 1982]. Механизм метаязыка, таким образом, является движущей силой развития языковой способности, влияя на познавательные процессы и определяя индивидуальные стратегии обучения.

Заключение

В контексте обозначенной важности роли метаязыковой способности в становлении и развитии речевой функции индивида особенно остро встает вопрос гигиены речевого онтогенеза, соблюдения критичных норм и условий развития речи, внимательного отношения к экстралингвистическим факторам в широком смысле – к факторам социального окружения ребенка – в ранние годы жизни, в период дошкольного детства и, что особенно важно, в сензитивные периоды развития всех базовых психических процессов. В эпоху развития ФНг жизненно необходимым становится просвещение широких слоев общественности относительно того, насколько сильно функциональность и успешность человека в жизни определяется способностями, сформированными в дошкольном детстве. Психолингвистическая риторика акцентирует внимание на важности корректного протекания развития речевой способности, в которой метаязыковая способность играет одну из ведущих ролей – координирование и мониторинг продуктов когнитивной и метакогнитивной деятельности и оформление их с помощью языковых средств в речевой продукт. Качество этого продукта определяется в большей степени социальными факторами. Невозможно переоценить в связи с этим роль семейного воспитания и целенаправленного педагогического воздействия на ребенка как со стороны семьи, так и со стороны учреждений дошкольного образования.

Список литературы

- Воробьева Т.А.* К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2020. – № 196. – С. 61–68.
- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – 500 с.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – Москва : Наука, 1982. – 154 с.
- Золотова Н.О., Захарова Н.В.* Метаязыковая и метакогнитивная деятельность человека: уровни осознаваемости и формы протекания // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2015. – № 2. – С. 44–48.
- Кружилина Т.В.* Факторы, определяющие особенности речевого развития у детей // Известия Юго-западного государственного университета. – 2012. – № 4–1(43). – С. 216–219.
- Кружилина Т.В.* Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2014. – 24 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. – Москва : Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
- Мягкова Е.Ю., Репринцева М.А.* Исследование внутреннего метаязыка человека на материале грамматических ошибок // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – Вып. 2, № 10. – С. 112–117.
- Мягкова Е.Ю.* Цифровое слабоумие: миф или реальность? // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. – С. 63–73.
- Мягкова Е.Ю.* Навык чтения и проблемы понимания текста // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XV Березинских чтений. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 20. – С. 83–95.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – 223 с.
- Пищальникова В.А.* Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021 а. – № 2. – С. 36–45.
- Пищальникова В.А.* Сущностные характеристики цифрового текста // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021 б. – № 2. – С. 120–125.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд. перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 272 с.
- Черниговская Т.В.* Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 17–26.
- Чудинова В.П.* Функциональная неграмотность – проблема развитых стран // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 98–102.
- Bhola H.S.* Functional literacy, workplace literacy and technical and vocational education: interfaces and policy perspectives. – Paris : UNESCO, Section for Technical and Vocational Education, 1995. – URL: https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/pubs/Studies-05e.pdf

References

- Vorobyova, T.A. (2020). K voprosu o razgranichenii metazykovoj deyatel'nosti i yazykovoj refleksii detej [On the issue of differentiation of metalanguage activity and language reflection of children]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 196, 61–68.
- Vygotsky, L.S. (1960). *Razvitie vysshih psichicheskikh funkcij* [The development of higher mental functions]. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk.
- Zhinkin, N.I. (2020). *Rech' kak provodnik informacii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka.
- Zolotova, N.O., Zakharova, N.V. (2015). Metazykovaya i metakognitivnaya deyatel'nost' cheloveka: urovni osoznaemosti i formy protekaniya [Metalanguage and metacognitive human activity: levels of awareness and forms of flow]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*, 2, 44–48.
- Kruzhilina, T.V. (2012). Faktory, opredelyayushchie osobennosti rechevogo razvitiya u detej [Factors determining the features of speech development in children]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–1(43), 216–219.
- Kruzhilina, T.V. (2014). *Ponimanie teksta det'mi doskol'nogo vozrasta s uchytom faktorov social'nogo okruzheniya rebyonka (eksperimental'noe issledovanie* [Understanding of the text by preschool children taking into account the factors of the child's social environment (experimental study)]. (Unpublished doctoral dissertation thesis). Tver: Izd-vo TvGU.
- Luria, A.R. (1979). *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Myagkova, E.Yu., Reprintseva M.A. (2012). Issledovanie vnutrennego metazykha cheloveka na materiale grammaticheskikh oshibok [The study of the inner metalanguage of man on the material of grammatical errors]. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya*, 10, 112–117.
- Myagkova, E.Y. (2016). Cifrovoe slaboumie: mif ili real'nost'? [Digital dementia: myth or reality?]. In: *Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod* (pp. 63–73). Tver: Tver. gos. un-t.
- Myagkova, E.Y. (2018). Navyk chteniya i problemy ponimaniya teksta [Reading skill and problems of understanding the text]. *Yazykovo bytie cheloveka i etnosa*, 20, 83–95.
- Pishchalnikova, V.A. (2021 a). Funkcional'naya negramotnost' kak sledstvie utraty dominiruyushchej funkcii yazykovogo znaka v cifrovom informacionnom prostranstve [Functional illiteracy as a consequence of the loss of the dominant function of the language sign in the digital information space]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2, 36–45.
- Pishchalnikova, V.A. (2021 b). Sushchnostnye karakteristiki cifrovogo teksta [Essential characteristics of digital text]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 120–125.
- Kholodnaya, M.A. (2002). *Psihologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Paradoxes of research]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Peter.
- Chernigovskaya, T.V. (2021). Nejronauka v poiskah smyslov: mozg kak barokko? [Neuroscience in search of meanings: the brain as Baroque?]. *Voprosy filosofii*, 1, 17–26.
- Chudinova, V.P. (1994). Funkcional'naya negramotnost' – problema razvityh stran [Functional illiteracy – the problem of developed countries]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 98–102.
- Bhola, H.S. (1995). *Functional Literacy, Workplace Literacy and Technical and Vocational Education: Interfaces and Policy Perspectives*. Paris: UNESCO, Section for Technical and Vocational Education. Retrieved from: https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/pubs/Studies-05e.pdf

Попова М.В., Филимонова А.А.

**Иноязычный акцент
как фактор выражения национальной идентичности
иммигрантов в принимающем сообществе***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, neunerin@gmail.com, aleksandrafilimonova57@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен обзор исследований, посвященных иноязычному акценту как маркеру национальной принадлежности иммигрантов в принимающем сообществе. Для иллюстрации важности акцента при этнической категоризации авторы приводят ряд экспериментальных исследований, описывающих особенности распознавания иноязычного акцента в различных возрастных группах. Кроме того, в статье демонстрируются результаты опросов среди иммигрантов, которые подтверждают значимость иноязычного акцента в контексте выражения национальной идентичности. Анализ научной литературы по теме исследования позволяет заключить, что иноязычный акцент следует рассматривать среди факторов выражения национальной идентичности, так как в настоящее время он выступает не менее значимым маркером социально-этнической категоризации, чем гендерная или расовая принадлежность говорящего.

Ключевые слова: национальная идентичность; иноязычный акцент; маркер идентичности; миграция; принимающее сообщество.

Поступила: 12.06.2022

Принята к печати: 16.08.2022

* © Попова М.В., Филимонова А.А., 2022

Popova M.V., Filimonova A.A.

**Foreign accent
as a factor of expressing immigrants' nationality identity
in the host community***

*Moscow state linguistic university,
Moscow, Russia, neumerin@gmail.com,
aleksandrafilimonova57@gmail.com*

Abstract. The paper features a review of the research on foreign accent as a marker of immigrants' national identity in the host community. In order to illustrate the importance of foreign accent in ethnic categorization, the authors present a number of experimental studies describing the features of foreign accent recognition in different age groups. In addition, the paper demonstrates the results of surveys among immigrants, which confirm the importance of foreign accent in the context of expressing national identity. The analysis of scientific literature on the topic covered brings us to the conclusion that foreign accent should be considered among the factors that reveal national identity, as it is currently no less significant as a marker of social and ethnic categorization than the speaker's gender or race.

Keywords: national identity; foreign accent; identity marker; migration; host community.

Received: 12.06.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

Национальная идентичность на протяжении многих лет представляет интерес для исследователей в различных областях науки. Среди ученых, так или иначе занимавшихся проблематикой национальной идентичности, К. Вельцель, С. Хантингтон, А.Д. Смит, М. Галлер, Б. Кнайдингер, К. Гаджиев, В.В. Кочетков, Н.А. Хренов, М. Галлер, Л. Дробижева, Д.И. Узнародов, Е.П. Каргаполов, В.Р. Янакова и др. В то время как многие исследования акцентируют особенности национальной идентичности на территории того или иного государства, в последнее десятилетие внимание также

* © Popova M.V., Filimonova A.A., 2022

привлекают факторы выражения национальной идентичности иммигрантов в принимающем сообществе. Одним из таких факторов является иноязычный акцент, который, согласно ряду исследований, служит маркером принадлежности индивида к определенной национальности [Błaszczak, Żygis, 2019; McCrocklin, Link, 2016]. Актуальность исследований в рамках миграционных процессов с позиции анализа дискурсивных практик и внутри- и межъязыковых изменений подтверждается формированием в настоящее время новой дисциплины – миграционной лингвистики (Migrationslinguistik). Помимо миграционного дискурса и динамики языковых процессов, объектом миграционной лингвистики могут также выступать «такие аспекты, как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов в социальных практиках» [Шустова, 2020, с. 13]. Кроме того, в контексте дискурсивных практик можно говорить о расширении дискурсивного пространства вследствие смешения дискурсов и формирования новых «идентичностей» [там же].

Национальная идентичность

В научной литературе существуют различные трактовки национальной идентичности. Н.А. Хренов определяет национальную идентичность следующим образом: «ощущение нации как единого целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» [Хренов, 2007, с. 8]. В концепции национальной идентичности на первый план выходят культура нации и общий язык, которые в ряде исследований рассматриваются как важнейшие компоненты национальной идентичности [Дробижева, 2013]. Социолог М. Галлер понимает под национальной идентичностью «сознательное, интеллектуально-духовное, оценочное и эмоционально-аффективное утверждение принадлежности к национальному государству» [Haller, 1999, p. 42]. Центральным для этой трактовки является факт эмоциональной связи индивида с национальным государством, которая отражается в ценностях, важных для представителей нации. Ученый также отмечает, что национальная идентичность является одним из важнейших аспектов самоидентификации индивида, поскольку социализация и проживание в определенном национальном государстве также формирует взгляды индивида на жизнь, ценности и гражданскую позицию [ibid.]. Важно, что национальная идентичность проявляется прежде всего при контакте с представителями другой нацио-

нальности [Haller, 1999; Кочетков, 2012]. В контексте иммиграции оппозиция «свой – чужой» обостряется, что выражается в стремлении иммигрантов подчеркивать свою национальную идентичность в принимающем сообществе.

К важнейшим факторам выражения национальной идентичности принято относить национальный язык, культуру, обычаи и традиции, религию, празднование национальных праздников, национальные символы, национальную кухню, спорт и др. [Kneidinger, 2013]. В последнее десятилетие в рамках исследований национальной идентичности особый интерес также представляет иноязычный акцент, являющийся одним из маркеров принадлежности иммигрантов к определенной нации [Błaszczak, Żygis, 2019; Перепечкина, 2018].

Несмотря на то что иноязычный акцент почти не поддается контролю со стороны говорящего, исследование Дж. Блашак и М. Жигис демонстрирует тенденцию *сознательного* использования иноязычного акцента как средства выражения национальной идентичности среди польской молодежи в Германии. Исследование опирается на опрос 49 детей и подростков в возрасте от девяти до 18 лет, которым было предложено заполнить анкету, содержащую в общей сложности 166 вопросов о национальном самосознании и роли родного языка иммигрантов в немецком мультикультурном сообществе. Результаты исследования демонстрируют, что 63% опрошенных отмечают, что даже если они могут говорить на немецком языке без акцента, они все равно осознанно говорят на немецком с польским акцентом с целью подчеркнуть свою национальную принадлежность. В качестве причин для выражения своей национальной идентичности респонденты назвали гордость за принадлежность к польской нации, любовь к польскому языку, а также их желание продемонстрировать принадлежность к определенной национальной группе [Błaszczak, Żygis, 2019]. Возможно, такие результаты отчасти объясняются выбором респондентов: это дети и подростки, у которых ярко выражена потребность продемонстрировать принадлежность к определенной социальной группе, которая и реализуется посредством польского акцента.

Ш. Маккроклин и С. Линк опросили 78 студентов из разных стран, изучающих английский язык. Большинство респондентов отметили, что предпочли бы говорить на английском языке без акцента, но значительная их часть подчеркнула, что гордится акцентом, по которому носители английского языка могут определить их принадлежность к определенной национальности [McCrocklin, Link, 2016, с. 133]. Таким образом, респонденты сознательно отмечают,

что их акцент служит маркером их национальной идентичности [McCrocklin, Link, 2016, с. 133]. Учитывая особенности распространения английского языка в мире, стоит отметить, что его варианты в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Гонконге так же, как и иноязычный акцент, способны подчеркивать национальную идентичность [Казакова, 2017]. В связи с этим отмечается, что именно «просодия является одним из наиболее ярких индикаторов национальной принадлежности говорящего в звучащей речи» [Казакова, 2017, с. 1]. Например, в современной Индии существует ряд просодических характеристик, такие как тяготение к слоговому типу ритмических структур, высокая частотность восходяще-нисходящих тонов и др., которые способствуют выражению национальной идентичности говорящих на английском языке на данной территории [там же].

В 2022 г. на базе МГЛУ было проведено исследование иноязычного акцента как одного из факторов выражения национальной идентичности русских иммигрантов в Германии. Выборка данного исследования составила 392 респондента [Филимонова, 2022]. Им было предложено принять участие в онлайн-опросе, содержащем вопросы закрытого и открытого типа об особенностях выражения русской национальной идентичности за границей. По результатам опроса установлено, что для 26% респондентов иноязычный акцент является частью их национальной идентичности, несмотря на то, что большинство опрошенных не используют акцент сознательно для подчеркивания своей национальной принадлежности [там же]. Это может быть связано с тем, что иммигранты не могут самостоятельно определить степень выраженности акцента, и, следовательно, не могут объективно оценить его роль в контексте выражения национальной идентичности. Однако ввиду того, что произносительные особенности речи практически не поддаются контролю со стороны говорящего, его сознательная реакция может быть вторичной, активирующей осознание своей этнической категоризации. Кроме того, проведенное двумя годами ранее исследование характера восприятия иноязычного акцента в Германии показало, что каждый второй русский иммигрант из числа опрошенных имеет негативный опыт общения с носителями немецкого языка, вызванный акцентной окрашенностью их речи [Попова, Филимонова, 2021]. Это позволяет предполагать, что иноязычный акцент является маркером национальной идентичности русских иммигрантов в Германии.

Исследование выражения национальной идентичности посредством иноязычного акцента представляет интерес и с позиции восприятия как носителями определенного языка, так и искусственными билингвами. Согласно результатам экспериментальных исследований, проведенных К. Кинзлер, Э. Дюпуа и Э. Спелке, дети могут демонстрировать свои социальные предпочтения на первом году жизни, выбирая тех, кто говорит знакомым им образом [Kinzler, Dupoux, Spelke, 2012]. В рамках одного из экспериментов десятимесячным младенцам были показаны видеоролики, в которых носитель их родного языка и носитель иностранного языка демонстрировали две разные игрушки. Затем младенцам предоставлялась возможность выбрать одну из продемонстрированных на видеозаписи настоящих игрушек. Испытуемые преимущественно выбирали игрушку, представленную носителем их языка. В другом эксперименте детям двух с половиной лет демонстрировались описанные выше видеозаписи, а затем в контексте игры им предоставлялась возможность отдать предмет одному из двух спикеров. Дети чаще отдавали предпочтение носителю их языка.

Кроме того, для некоторых детей акцент может выступать более значимым показателем групповой идентичности, чем цвет кожи. Такие результаты были получены исследователями в рамках эксперимента, направленного на изучение влияния языка, акцента и расы говорящих на социальные предпочтения. В ходе эксперимента пятилетним детям показывали фото и включали аудиозаписи голосов других детей, (1) говорящих на их родном языке без акцента, (2) демонстрирующих акцент и (3) говорящих на иностранном языке. Испытуемые предпочли дружить с носителями их родного языка, говорящими без акцента. Дети были также склонны выбирать в друзья детей своей расы, когда те молчали, при этом испытуемые отдавали предпочтение детям другой расы с родным акцентом, когда акцент противопоставлялся расе. Результаты позволяют предположить, что дети оценивают коммуникантов по параметрам, которые отличали социальные группы в доисторических человеческих обществах [Accent Trumps race ..., 2009].

Еще одним значимым подтверждением важности акцента в вопросах самоидентификации и национальной идентичности является синдром иностранного акцента – редкое неврологическое заболевание, при котором у человека появляется иностранный акцент в речи на родном языке. Пациенты с этим заболеванием подчеркивают принципиальную важность акцента при самоиден-

тификации: «у тебя как будто отбирают всю личность, и ты теряешь нечто такое, что тебя определяло» [Робсон, 2015].

Заключение

В заключении отметим, что изучение иноязычного акцента в контексте выражения национальной идентичности иммигрантов – относительно новое направление исследований в контексте миграционной лингвистики. В современной лингвистике есть лишь небольшое количество научных работ, посвященных этой тематике. Результаты нашего исследования позволяют заключить, что акцент следует рассматривать как один из факторов выражения национальной идентичности иммигрантов в принимающем сообществе. Произносительные особенности определяют идентичность наряду с гендерной и расовой принадлежностью. А при учете миграционной картины отдельных государств, в которых значительное количество населения имеет миграционные корни, эти особенности могут выступать определяющими, так как являются наиболее надежным и объективным фактором идентификации при отсутствии иной информации о говорящем и значимым маркером национальной идентичности. В связи с этим мы считаем целесообразным продолжить изучение иноязычного акцента в контексте выражения национальной идентичности мигрантов с проведением предварительной диагностики произношения респондентов для сбора более точных данных о степени выраженности их акцента. Кроме того, актуально научное знание об иноязычном акценте в контексте этнической категоризации иммигрантов – носителей близкородственных языков, произносительные черты которых часто тяжело отличить представителям принимающего сообщества.

Список литературы

- Дробижева Л.М.* Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74–84.
- Казакова О.В.* Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2017. – 28 с.
- Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.

- Переpečкина С.Е.* Иноязычный акцент: проблема интерференции или вопрос самоидентификации? // *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы.* – 2018. – 02–20 апр. – С. 154–158.
- Попова М.В., Филимонова А.А.* Преодоление результата фонетической интерференции как фактор успешной интеграции русских иммигрантов в немецкое мультикультурное сообщество // *Когнитивные исследования языка.* – 2021. – Вып. № 4(47): Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение? – С. 442–452.
- Робсон Д.* Синдром иностранного акцента: вы говорите как чужой! // *BBC News Русская служба.* – 2015. – URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/05/150526_vert_fut_foregn_accent_syndrome (дата обращения: 22.02.2022).
- Филимонова А.А.* Иноязычный акцент среди факторов выражения национальной идентичности русских иммигрантов в Германии : магистерская дис. ... – Москва, 2022. – 98 с.
- Хренов Н.А.* Искусство и цивилизационная идентичность. – Москва : Наука, 2007. – 603 с.
- Шустова С.В.* Дискурсивные практики в немецком миграционном медиадискурсе // *Миграционная лингвистика. Миграционный дискурс.* – 2020. – Вып. 2. – С. 13–34.
- Accent Trumps race in guiding children’s social preferences / Kinzler K.D., Shutts K., DeJesus J., Spelke E.S. // Social Cognition.* – 2009. – Vol. 27. – N 4. – P. 623–634. – DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.2009.27.4.623>
- Błaszczak J., Żygis M.* Nicht perfekt, aber Zufrieden. Aus dem Sprachleben deutsch-polnischer Schüler in Berlin // *Forum Angewandte Linguistik.* – 2019. – S. 19–44.
- Haller M.* Voiceless submission or deliberate choice? European integration and the relation between national and European identity // *The European Experience in Perspective.* – Chur ; Zürich : Rüegger, 1999. – S. 263–296.
- Kinzler K.D., Dupoux E., Spelke E.S.* «Native» objects and collaborators: infants’ object choices and acts of giving reflect favor for native over foreign speakers // *Journal of Cognition and Development.* – 2012. – Vol. 13(1). – P. 67–81. – DOI: 10.1080/15248372.2011.567200
- Kneidinger B.* Geopolitische Identitätskonstruktionen in der Netzwerkgesellschaft. Mediale Vermittlung und Wirkung regionaler, nationaler und transnationaler Identitätskonzepte. – Springer VL, 2013. – 361 S.
- McCrocklin S., Link S.* Accent, identity, and a fear of loss? ESL students’ perspectives // *Canadian Modern Language Review.* – 2016. – P. 122–128.

References

- Drobizheva, L.M.* (2013). Rossijskaya identichnost’: faktory` integracii i problemy` razvitiya. *Sociologicheskaya nauka i social’naya praktika*, 1, 74–84.
- Kazakova, O.V.* (2017). *Prosodija variantov anglijskogo jazyka v Indii i Gonkonge kak sredstvo vyrazhenija nacional’noj identichnosti (Jeksperimental’no-foneticheskoe issledovanie).* (Synopsis of the doctoral dissertation). Moscow: MSLU.
- Kochetkov, V.V.* (2012). Nacional’naya i e`tnicheskaya identichnost` v sovremennom mire. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*, 2, 144–162.

- Perepechkina, S.E. (2018, April). Inojazychnyj akcent: problema interferencii ili vopros samoidentifikacii? *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury*, 154–158.
- Popova, M.V., Filimonova, A.A. (2021). Preodolenie rezul'tata foneticheskoj interferencii kak faktor uspešnoj integracii russkix immigrantov v nemeckoe mul'tikul'turnoe soobščestvo. *Kognitivny'e issledovaniya jazyka*, 4(47), 442–452.
- Robson, D. (2015, May 26). Sindrom inostrannogo akcenta: vy' govorniki kak chuzhoj! *BBC News Russkaja služba*. Retrieved from https://www.bbc.com/russian/science/2015/05/150526_vert_fut_foregn_accent_syndrome
- Filimonova, A.A. (2022). *Inojazyčnyj akcent sredi faktorov vyraženiya nacional'noj identičnosti russkix immigrantov v Germanii*. (Unpublished master thesis). Moscow: MSU.
- Hrenov, N.A. (2007). *Iskusstvo i civilizacionnaya identičnost*. Moscow: Nauka.
- Shustova, S.V. (2020). Diskursivnye praktiki v nemeckom migracionnom mediadiskurse. *Migracionnaya lingvistika. Migracionnyj diskurs*, 2, 13–34.
- Błaszczak, J., Zygis M. (2019). Nicht perfekt, aber zufrieden. Aus dem Sprachleben deutsch-polnischer Schüler in Berlin. *Forum Angewandte Linguistik*, 19–44.
- Haller, M. (1999). *Voiceless submission or deliberate choice? European integration and the relation between national and European identity. The European experience in perspective*. Chur, Zürich: Rüegger.
- Kinzler, K.D., Shutts, K., DeJesus, J., Spelke, E.S. (2009). Accent trumps race in guiding children's social preferences. *Social Cognition*, 4(27). 623–634. DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.2009.27.4.623>
- Kinzler, K.D., Dupoux, E., Spelke, E.S. (2012). «Native» objects and collaborators: infants' object choices and acts of giving reflect favor for native over foreign speakers. *Journal of Cognition and Development*, 13(1), 67–81. DOI: 10.1080/15248372.2011.567200
- Kneidinger, B. (2013). *Geopolitische Identitätskonstruktionen in der Netzwerkgesellschaft. Mediale Vermittlung und Wirkung regionaler, nationaler und transnationaler Identitätskonzepte*. Trier: Springer VL.
- McCrocklin, S., Link, S. (2016). Accent, identity, and a fear of loss? ESL Students' Perspectives. *Canadian Modern Language Review*, 72(1), 122–128.

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году. С 2021 года выходит четыре раза в год. Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=69764>

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи* и *аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 35 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Лицензионное соглашение и бланк акцепта размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редакционной коллегии представлены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org>

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

№ 4 (11) 2022

Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева

Корректор О.П. Дормидонтова

Уч.-изд. л. 4,76

Заказ № 77

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 72547

Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

Отдел маркетинга и распространения

информационных изданий

Тел. / Факс: (925) 517-36-91

E-mail: shop@inion.ru